

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Алексей Цаплин

ШТУРМОВИК

МИНУТА ДО ЦЕЛИ

Алексей Георгиевич Цаплин
Штурмовик. Минута до цели
Серия «Военно-
историческая фантастика»
Серия «Штурмовик», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65971693

*Штурмовик. Минута до цели / Алексей Цаплин: Якуза, Эксмо; Москва;
2021*

ISBN 978-5-04-111975-1

Аннотация

Звено штурмовиков «Ил-2» выходит на рубеж атаки... «Минута до цели», – звучит команда ведущего. Значит, надо отбросить все страхи, сомнения, мандраж и сосредоточиться на цели, не обращая внимания на плотный зенитный огонь и зашедшие в хвост «мессеры»...

Будни штурмового авиаполка на Западном фронте в районе Ржева весной 1942 года глазами нашего современника, перенесенного в кровавую круговерть Великой Отечественной войны и ставшего младшим лейтенантом ВВС Красной Армии. В них мало героического – «обычная» боевая «работа». Вражеский налет на аэродром, противодействие диверсантам, ежедневные

полеты... И вечерние посиделки у столовой, выпуск боевого листка, комсомольские собрания. А между ними только зеленая ракета, устремившаяся к облакам: «Штурмовики – на взлет!»

Содержание

Пролог	6
Церштёеры	9
Как следует ловить шпионов	19
Комсомольское собрание	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Алексей Цаплин

Штурмовик.

Минута до цели

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

© Цаплин А. Г., 2021

© ООО «Издательство «Яуза», 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

– Разрешите обратиться? Младший лейтенант Журавлёв...

Или не Журавлёв, а Цаплин. Причём лейтенант запаса.

Так как же мне представиться, чтобы всё встало на свои места? Да как же тут всё встанет на свои места, когда я и сам не знаю, где чьё место? И не вполне уверен в реальности происходящего. Попробую объяснить.

Белиберда в моей жизни началась ненастным ноябрьским вечером, когда какой-то дебил выскочил на встречную полосу, по которой я возвращался на своей «шестёрочке» после тяжёлого рабочего дня. Так что не исключено, что всё, изложенное в книжке «Штурмовик. Крылья войны», и то, что я попытаюсь рассказать сейчас, – это бред больного воображения, вызванный обилием обезболивающих и успокоительных.

А как иначе воспринимать ситуацию, что за окнами госпиталя (не больницы, а именно госпиталя!), заклеенными бумажными полосочками крест-накрест, ноябрь 1941 года? И все кругом считают, что я пилот штурмового полка Алексей Журавлёв? Прикинув ситуацию, решил, что заявления о двадцать первом веке, о том, что штурмовиком «Ил-2» я управлял только в одноимённом компьютерном авиасимуляторе, и моя фамилия вообще-то Цаплин, могут иметь по-

следствия в виде личной койки отделения для буйных и контуженых, а то и просто личного места на ближней помойке. Если таким забавным персонажем не заинтересуются «компетентные органы» с чистыми руками и горячим сердцем.

Попытка изобразить лягушонка в крынке с молоком из знаменитой сказки привела меня сначала в тренировочную эскадрилью, а затем в славный штурмовой авиаполк на Западном фронте. Альтернатива была ещё менее радужной. Занываться на Ташкентском фронте – это суметь надо. Заявить о своей полной профнепригодности? Ради бога – в пехоте крайне требовался младший комсостав. С вероятностью дожить до мая сорок пятого не более одной сотой процента. А что меня могли «смахнуть»... Могли. И уже несколько раз чуть не «смахнули». Почему-то воспринимал это обстоятельство без трепетной остроты. Сознание оставило лазейку: погибнув здесь, я вернусь к себе, в своё время. Может быть...

Господи! Прошло почти восемь месяцев, как меня вырвало из привычной жизни. Выздоровление, акклиматизация в этом непростом времени (спасибо родным Лёшки Журавлёва), учёба и участие в первых боевых вылетах пронеслись, словно пулемётная очередь из ШКАСа.

«Сорвиголовой» стать не старался, но и от вылетов не косил. Герой неба, лётчик от Бога – это не про меня. Личные «выдающиеся» навыки пилотирования не бросались в глаза только на фоне общей подготовки остальных ребят – моих

сослуживцев. А она, эта подготовка, оставляла желать лучшего. Хорошо ещё, механик успевал вовремя приводить в порядок потрёпанную машину. И ком-эск свои соображения по моей технике пилотирования высказывал только с глазу на глаз. Была ли от меня реальная польза? Честно признаюсь: не знаю. Пытался быть не хуже других. И это где-то даже удавалось. Летал, стрелял, бомбил, пускал эрэсы... Попадал? Конечно, несколько раз точно видел, что вмазал как надо. Но в большинстве... Хотелось бы лучше. Например, как мой товарищ и командир Андрей Ковалёв.

Ну так вот...

А что «так вот»? Вторая эскадрилья продолжила свою работу. И штурмовой авиаполк продолжил. Только жаль, что с каждой неделей всё меньше и меньше оставалось в строю лётчиков и машин.

Церштёеры

Везение никогда не бывает бесконечным. Я всё про себя удивлялся, что гансам никакого дела не было до нашего поля. Ну вот и накаркал. Мы, наверное, слишком уж сильно начали мешать планам всяких там гудерианов и манштейнов. Или кто там был в это время с противоположной стороны? Полководцы великого рейха. Зато какие потом мемуары были! Одни названия чего стоят: «Утерянные победы», «Записки солдата». «Ди эрсте колоннэ марширт... ди цвайте колоннэ марширт...» Только нигде не написали, как это было – получать по мордасам от «унтерменшей». И как потом они отыгрывались на наших людях, оставшихся в оккупации.

Ладно, сейчас о другом. Я уже упоминал, что поляну аэродрома с высоты не заметить мог только слепой. Мы сидели всего километрах в сорока от ленточки. В конце концов у гансов созрело желание нанести нам «визит вежливости». Что они и решили выполнить прекраснейшим солнечным утром.

Для нападения были использованы «стодесятые» какой-то штурмовой модификации¹.

¹ Сразу расставим все точки над «ё». «Сто десятый» не был штурмовиком. «Штурмовая модификация» подразумевает, что машина подобного типа могла нести ракетно-бомбовое оснащение. Мощное пулемётно-пушечное вооружение позволяло провести эффективный обстрел наземных целей с высоты до ста мет-

Дежурная смена засекала их по звуку. Но единственное, что успела сделать, – так это поднять тревогу. Взвыли сирены, и в воздух взлетели три красные ракеты. Звено «Илов», которое только начало выкруливаться на взлётку, пришлось бросать. Хорошо, что ещё второе звено, которое должно было составить шестёрку на боевом задании, осталось в капо-нирах. Наш транспорт начал расползаться с полосы под деревья и практически в этом преуспел. Первые четыре вражеские машины вышли на нас из-за перелеска примерно на тысяче и начали засеивать мелкими осколочными бомбами всю территорию нашего поля. Слава богу, у храбрых зенитчиков хватило ума после непродолжительной очереди спрятаться в щель.

Разрывы я засёк на дальнем краю поля. Серия мелких взрывов стремительно приближалась к нам, и было ясно, что накроет гораздо быстрее, чем сможем рвануть в лес. Поэтому как только мы, выскочив с КП, пролетели мимо столовки, кто-то заорал: «Ложись!» И все дружно залегли кто где придётся. Команды «Ложись!» и «Лежать!» орали ещё несколько человек. Как серия разрывов мелких бомб прошла мимо нас, я не видел. Потому что старался как можно крепче при-

ров, то есть «штурмовку». В подобной роли Ил-10 выступали неоднократно на всех театрах военных действий. Однако более корректно назвать «сто десятый» «истребитель-бомбардировщик». Модификация Ил-10С-4 имела бронирование кабины и могла нести бомбовую нагрузку до 500 кг. Модификация Ил-10Е-1 могла нести бомбовую нагрузку до 1200 кг. Знаменитая «пешка» – «Пе-2» – на 200 кг меньше.

жаться к танцующей поверхности земли и зажимал уши ладонями. Знаю я вас – с баротравмой перепонки меня до полётов никто не допустит даже после того, как «шестёрочку» из ремонта вернуть.

Бах – бах – бум – бум!!! Грохот разрывов, свист осколков, тупые удары в берёзы и осины, стоящие над нами. Даже испугаться толком не успел, когда с другого направления, пересекая курс первым «мессерам», по полю прошлось второе звено. Эти отработали крупными фугасами. Бубух! Бабам! И так несколько ударов. Наверное, восемь-десять. Вот тут я сразу вспомнил, как выглядят памперсы, и успел пожалеть об их отсутствии. Каждый раз меня подкидывало, как лягушку на батуте. Над головой летели какие-то ошмётки и ветки. Заскрипело и зашумело падающее дерево. Блин, так ведь если накроет, то и раздавить может! Открывать глаза и оглядываться решительно не хотелось.

Ладно. Надо себя заставить, а то и вправду чем-нибудь придавит, так что потом ещё и не найдут. Изображаем упражнение «змея поднимает голову и смотрит на свой хвост». Мать моя женщина! Дымища-пылища. На противоположном конце поля что-то начало гореть. «Ползком в лес!», «Ползком! Мать-перемать – и ать-ать!» – орали голоса с командирскими интонациями. Ничего, ползать мне тоже приходилось – умеем передвигаться означенным способом и даже не очень плохо. Нет, ну вы посмотрите – вот ведь сволочи! Задели нашу столовку! Шатёр палатки сложился, наве-

сы с самодельными скамеечками поломало! Чёрт подери, кого-то зацепило. Двое измазанных ребят тащат третьего, лежащего на спине. В этом случае моя помощь не требуется. Остальные тоже стали подавать признаки жизни и ползком и на карачках передвигаться дальше под деревья.

Что творилось на противоположной стороне поля – не видно. Что там стало с нашими жилыми землянками и с ребятами, которые там задержались, было неясно. В принципе, за каждой землянкой, метрах в двадцати подальше в лесок, были отрыты щели – спасибо БАО. Некоторые даже перекрыли брёвнами и жердями, которые остались после расчистки поляны под наш «аэропорт». Надеюсь, их не очень активно использовали «не по назначению». А то в соответствии с санитарными нормами «удобства», маркируемые рунами «эм» и «жо» (всё-таки заботились о наших дамах из столовского персонала), были отнесены от жилых палаток в глубину лесочка на пятьдесят метров. Отдельные несознательные личности могли вывалить «боезапас» и раньше.

«Стодесятые» разошлись на противоходах. Сейчас снова начнётся атака. Если сначала использовали бомбовое вооружение, то теперь, вероятно, будет обработка бортовым оружием. Секунд десять для рывка дальше в лес имеется. Кто-то из старших догадался подать команду «Встать! В лес бегом МАРШ!!!». Меня это только подстегнуло и придало скорости. Рванул как спринтер, но резко затормозил, заметив несколько фигурок в белых халатиках, прижавшихся к зем-

ле возле нашей столовки. Ё-моё. Вот ведь нестроещина! Или команды не слышат, или не понимают! Блин, куда ОСО-АВИАХИМ смотрел, когда народ к войне готовил? Ведь наверняка должны были в школе проходить обучение! А может, их накрыло ударной волной или осколками посекло? Сверху-то халатики у них белые, а снизу могут быть уже и в крови вымазаны. Ёлки-моталки! Сейчас же «мессера» будут по опушкам поляны пулемётно-пушечным огнём проходить. Наши барышни станут самыми завидными мишенями.

Так что я рванул совсем в другую сторону.

– Эй, красавицы! – гаркнул что есть сил. – Чего лежим, как на пляже?! Команда была: «бегом в лес»!

Начал отрывать наших «вольняшек» от почвы, в которую они уже собрались пустить корни. Фу, слава богу, – глаза ошалевшие, губы трясутся, руками машут, но ни на ком следов ранения в виде красных мокрых разводов не заметно. Каюсь, грешен. Не надо на меня ругаться нехорошими словами – сам себя потом материл по-чёрному... Ну а в этот момент... Ладно, ещё раз каюсь... короче, некоторым особо нерасторопным я придал ускорение в виде «мая-гери» и «маваши» по мягкому месту². Ну, само как-то получилось. Ну ведь помогло же: они так рванули, что братья Знаменские умерли бы от зависти³.

² В данном случае использованы названия ударов ногами (карате-до, *яп.*) «Мая- (или Мае-) гире (или гери)» – прямой, «Маваши (или Маваси)» – круговой.

³ Знаменитые спортсмены-бегуны. Рекордсмены, выступавшие за СССР на

И вот тут нарисовалась проблема. Как раз в тот момент, когда уже вовсю слышалось завывание «Церштёреров», прущих на штурмовку⁴. «Проблема» сидела с мокрыми глазами и держалась за босую ногу, пропоротую сучком. На второй ноге сапога тоже не наблюдалось. Тудыж-растудыж! К счастью, мимо пролетал какой-то воин из БАО.

– Рядовой, СТОЙ! КО МНЕ!!! – Как всегда, сначала ору, потом думаю. Какой, к этой же бабушке, рядовой? Ещё бы сказал «солдат»!

Хорошо, что парнишка на такие мелочи внимания не обратил и прыжком оказался возле нас. Во – хотя бы этот боец точно на дополнительных занятиях не просто так штаны просиживал. Как только я показал захват своей руки (правая кисть захватывает левую руку у запястья), как он тут же воспроизвёл его, и мы образовали «замок», или «корзиночку».

Подхватить пострадавшую и рывкнуть ей «держишь!» удалось до того момента, как «мессера» открыли огонь. Блин, вот чувствуется, что красавица обитает при столовой. Чуть не высказал ей антикомплименты по поводу походов к холодильнику вечером после шести часов, а также пользе фитнеса для стройности фигуры.

Какой ещё фитнес?! Какой холодильник?! Это у меня от

международных соревнованиях. Самородки и самоучки. Соревнования по бегу «Мемориал братьев Знаменских» проводится до сих пор.

⁴ Zerstörer Jabo – «Разрушитель» – неофициальное, но широко распространённое наименование Bf-110; версия истребитель-бомбардировщик (Jabo).

стресса – потом надо будет к Бородулину сходить, может, он успокоительного «спиртяги» выпишет и нальёт. У нас же (в моей реальности) народ по пятницам «стресс снимал» в ближайшей «реанимации». Под эти размышления и воспоминания мы успешно эвакуировали «пострадавшую» от места возможной повторной атаки авиации противника. Зараза! Все руки оттянула! Вынесло же её бегать по лесу без сапог!

Возможной атаки? Ага – четыре раза как «возможной»! Эти жабы так начали садить по сложившейся палатке и разбитым скамейкам, что только щепки кругом полетели. Мы с нашей дородной красавицей плюхнулись метрах в пятидесяти от основной «раздачи подарков». Было бы крайне глупо с нашей стороны поймать шальную пулю или осколок. При этом «пострадавшая» пострадала ещё раз – обо что-то расцарапала себе щёку и нос. Признаю – вина незадачливых «эвакуаторов». Когда за спиной началась свистопляска разрывов, мы с бойцом, не сговариваясь, нырнули «рыбкой» на землю и заодно ещё раз «приложили» несчастную работницу столовой, которая уже, наверное, прокляла тот день, когда решила наняться к нам на работу.

– Цела? – Надо же на всякий случай проверить. Хм-м... А на вид не такая уж и «пышка». Будем считать, что просто кость широкая.

– Ага, – ответило зарёванно-расцарапанное создание и, несмотря на явный экстрим, согласилось снова воспользоваться нашими услугами по транспортировке.

Мы пробежали ещё немного и сдали эвакуированную «вольняшку» на руки её товаркам и столовскому наряду, который начал кучковаться вместе. Оцените нашего «старшину» – начальника столовой и её окрестностей в чине капитана. Ещё налёт не закончился, а он уже начал распоряжаться об организации питания личного состава сухим пайком в случае непригодности столовой. В окружении «штабных» неподалёку стоял Храмов, злой как сто чертей, и наблюдал за штурмовкой нашей площадки. На полосе дымились три «Ила», которые должны были пойти на вылет. Один из штурмовиков «прилёг» на левое крыло. Ещё один начал разгораться. Ёжики колючие! Там же полные баки и полный боезапас! Плюс бомбовая загрузка и эрэсы! Рванёт так, что мало не покажется.

Сто десятые закончили своё чёрное дело и ушли.

«Без команды не двигаться! Да присядьте же! Так, так и растак вас всех!»

Это правильно – надо подождать. Эти гады могли «отработать» боезапасом с замедлением. Кроме того, горящий «Ил» – штука смертельно опасная. Если сейчас бомбы будут рваться, то лучше не присесть, а прилечь. Вернее, вообще залечь и окопаться.

В этот момент решила проявить героизм наша пожарная команда. Несмотря на матерный ор комполка и его замов, пожарный «ЗИС» лихо вырулил из противоположного леса. С него россыпью скатились бойцы в брезентухе и начали

заливать горящую машину. Сумасшедшие камикадзе! Ведь если сейчас рванёт, от них даже целых касок не останется!

Нет, вы поглядите! Воистину боги помогают смелым и отчаянным. Ребята сумели сбить пламя и теперь заливали тлеющий «Ил». Сразу скажу – я бы так не смог. Мне на них до сих пор смотреть страшно. Там же в бомболюках 400 кг и плюс восемь капризнейших эрэсов на подвесках. Не – вон шуруют, как будто так и надо. Более-менее целую машину на руках откатали с полосы в сторонку. Тлеющий «Ил» зацепили пожаркой и, не прекращая лить на него воду, потащили в сторону от наших построек. На месте осталась только подбитая машина, возле которой начал суетиться вылезший из укрытия персонал.

Храмов так и не подал официальную команду возвращаться – просто махнул рукой и первым пошёл оценивать результаты налёта на наше поле. Все остальные тронулись за командиром.

Ну, что сказать... Последствия налёта, к счастью, были минимальными. Несколько воронок на поле заровняли уже к следующему утру. Столовку и КП привели в порядок через пару дней. Сухпайком полк питался всего только сутки – пока не сумели восстановить варочные котлы. Ещё через день мы уже нахваливали первый борщ, сваренный в новом котле (пригнали новую полевую кухню – наша полуторка привезла на прицепе). Старую полевую кухню, которая у нас была под первые блюда, не смогли отремонтировать даже в авиа-

ремонтных мастерских. «Чёрные души» сказали, что ремонтировать не имеет смысла – проще выкинуть. Потери полка составили человек пятнадцать. Все – раненые. Двоих – сержантика из первой эскадрильи и бойца из БАО – Бородулин отправил в тыл, остальные отлёживались на месте. «Горелый» «Ил» ещё можно было спасти, и его отправили ремонтироваться. Со вторым ситуация оказалась хуже – повреждения были настолько фатальными, что машину пришлось списать.

Все дружно считали основными героями события наших пожарных. На ребят направили «представление» в дивизию.

Пару недель я пытался выловить взглядом среди обслуживающего персонала нашей столовой физиономию с царапиной на щеке и носу, но без результата. Не то чтобы строить какие-нибудь планы... (я-то человек семейный, уже, можно сказать, пожилой – это здесь мне едва двадцать, а вообще-то я уже древний, как экскременты динозавров). Я это так – из любви к искусству и чтобы навыки не терялись. А то и забыл уже, что у лиц противоположного пола природа создала такие чудесные приспособления для посадки.

Как следует ловить шпионов

На следующий день на КП никто старался не заходить. Потому как комполка общался по телефону с дивизией на предмет организации зенитной защиты нашей поляны. Как потом будет сказано в «Бриллиантовой руке»: «используя местный диалект и идиоматические выражения». В эмоциональном фоне командир начинал переходить от стадии каления в стадию свечения. Поэтому все, кто не был связан с необходимостью присутствия на командно-диспетчерском пункте, решили, что лучше заглянуть на узел связи или оценить состояние вверенной техники на противоположной стороне поля. И вообще, погода хорошая – чего в духоте сидеть-то?

Когда у Храмова «боевой задор» несколько ослаб и он пошёл злобно дымить возле КП, за дело взялся наш комиссар полка, а следом подключился Чернов. Кому они с интервалом в минуту настойчиво втолковывали, что самодельная установка из спаренных ШКАСов – это «имитация бурной деятельности», – не в курсе. Зато оценил манеру выполнения кольцевой атаки – классический штурмовой круг. Осмелюсь предположить, что через пару часов на другом конце провода народ начал вздрагивать от каждого телефонного вызова.

Так или иначе, но эффект был достигнут – до довоенного штата зенитного прикрытия нас, конечно же, не оснасти-

ли, но в нашем расположении обосновался взвод зенитчиков с четырьмя МЗАшками и чернявым лейтенантом. Пару зенитных автоматов поставили в районе КП и столовой, а другую пару отнесли к капонирам. Ребята, бойцы БАО с зенитным суррогатом из ШКАСов, тоже были отданы под руководящую длань командира зенитчиков.

На одной из сосен был оборудован пункт наблюдения с полевым телефоном. Посмотрев на все эти древесные мероприятия, я почему-то вспомнил эльфов с их дэлонями⁵. Тем более что наблюдатели одевали маскхалаты. У меня где-то в прежней реальности похожий завалился. Только здесь распятновка была другого вида. Пятнами, или, как тут кто-то сказал, «амёбами». Короче, ребята изображали разнообразие лесных эльфов. Вот не дай бог они там проспят всё на свете! Определять эмпирическим путём, выдержит ли наше поле нормальную бомбардировку «Хейнкелями» или «Штуками», крайне не хотелось бы.

Теперь зенитную мощь аэродрома составляли четыре артиллерийские системы 61-К образца 39-го года в ажно целые 37-мм. Чем я был недоволен? Просто по наивности думал, что поставят четыре 76-мм, объединённых ПУАЗО, а тут... Оказывается,

⁵ Дэлонь – платформа из досок с отверстием посередине для верёвочной лестницы, установленная на дне золотolistвенной чаши в кроне мэллорна (Лориэн, Средиземье). Служит для расположения наблюдателей и лёгких отрядов типа рейнджеров. У дэлони нет стен, даже перил не имеется по краям – только переносной плетень из прутьев, который защищает часовых от ветра. Знаменитая Дэлонь Эмроса.

таким макаром усиливают прикрытие только крупных аэродромов типа Кубинки или Тушино. А для нас и то, что выбили, являлось невиданной роскошью.

В общем, в том или ином виде, но зенитное прикрытие у нас всё-таки появилось.

Ещё одним из последствий налёта стала повышенная активность нашего особиста. Он и так излишней ленивостью не отличался, а тут вообще забыл про сон и про нормальный отдых. Комендантский взвод хотя тихонько матерился, но чётко выполнял все «новации» шебутного командира. Но наш лейтенант ГБ на этом не успокоился. Он своей властью забрал из БАО бойцов в помощь своим орлам и организовал из них полуроту. Поначалу эти воины весьма радостно отнеслись к данному событию – воронки заравнивали и наш лесной городок чинили другие, пока они с комендачами бегали. Ближе к вечеру красноармейцы поняли, в какую засаду попали. Ужин у них накрылся медным тазом. Как и отбой.

Особист за сутки после налёта прочесал все окрестные лесочки, полянки и болотца. Кроме нашей стандартной телефонной «воздушки» организовали замаскированную линию связи в сторонке от основной. Были усилены ночные патрули. Появилось несколько дополнительных скрытых пикетов, вынесенных подальше от нашего поля, при этом в караул ходило точно такое же количество бойцов, как и прежде. По всем направлениям нашей деятельности произошло скрытое

усиление охраны поля и городка. Даже машину, на которой технари поехали на дивизионные склады, сопровождала полуторка с отделением бойцов в полном вооружении. Попытка технарей «забыть» свои наганы привела к непродолжительной беседе, в ходе которой им было указано на нарушение требований передвижения личного состава в прифронтовой полосе. Кроме того, родителей наших техников обвинили в противоестественной связи с отдельными представителями флоры и фауны. Были озвучены угрозы, что в случае повторения подобной ситуации с нашими несчастными «чёрными душами» вступят в извращённые половые отношения все диверсанты и разведчики противника в округе, но только при условии, если они успеют сделать это прежде, чем командование полка и особый отдел.

Наш рыжий садист куда-то гонял часть своей команды по ночам. Иногда они брали полуторку и совершали рейды по окрестностям. Что и почему делал полковой особист, стало ясно примерно через пять дней, после того как был налёт. Лётсостав никто не трогал, и поэтому обо всём пилоты, конечно же, узнали самыми последними и с чужих слов.

А выглядело это так...

По лесной дороге, подвывая мотором на пригорках и подпрыгивая на кочках, катилась потрёпанная полуторка. За рулём находился степенный ефрейтор с чёрными петличками артиллериста. Рядом в такт машине, подпрыгивавшей на неровностях фронтового тракта, покачивался его непо-

средственный начальник со шпалами капитана. В кузове, негромко матеря свою солдатскую долю, сидела пара бойцов с СВТэшками.

Временами машина останавливалась, капитан доставал планшет с картой и расспрашивал встречающих о потерявшемся хозяйстве какого-то Степанова, которое должно было быть где-то в этом районе.

Обычно командиры подразделений, спешащих по своим делам, пожимали плечами и разводили руками. Иногда кто-нибудь давал направление – «вроде как километрах в пяти во-о-он там». Потом тыкали пальцами в карту и в сторону предполагаемого направления. И полуторка продолжала путешествие.

В ходе долгих мытарств по лесным и полевым дорогам однажды, ближе к полудню, капитан со своей командой неожиданно упёрся в берёзовую жердину, перекрывавшую дальнейшее движение по перелеску. На дровеняке были привязаны ленточки, когда-то бывшие красными, а теперь совершенно неопределённого цвета. Красноватые тряпочки символизировали, что жердина в настоящее время выполняет ответственное задание по недопущению посторонних. То есть служит слагбаумом. Полусонный сержантик с карабином на плече по мере своих скромных возможностей выполнял обязанности цербера при этих импровизированных воротах. Рядом под навесом, сооружённым из плащ-палатки, висели шинель бойца и его худой «сидор».

Полуторка остановилась в паре шагов от импровизированного шлагбаума. Недовольный и раздражённый капитан покинул своё место и, держась за ремень, встал у полуторки.

– Сержант, ко мне! – последовала команда.

Караульный явно восточных кровей вразвалочку и неторопливо начал приближаться к старшему по званию. Карабин как-то нелепо торчал у него прикладом вверх. Весь вид выражал ленивую расслабленность. На полусонной рожице, казалось, так и застыл вопрос: «Ну и чего вы все тут шлёпаетесь, не даёте человеку наслаждаться тишиной и покоем?»

– Сержант Касымов, товарища капитан, – представился караульный с сильным акцентом.

– Какого чёрта вы здесь делаете?! Почему перегородили дорогу? На каком основании не даёте проехать? – начал с металлом в голосе заводится капитан.

– Так командира приказал. Никого, говорит, не пускай – не положено, – начал оправдываться боец. Ну и вид же у него. Ворот помятой и давно не стиранной гимнастёрки растёгнут. Сапоги уже с месяц как не видели щётки. Растянутая пилотка еле сидит на затылке. Кто же догадался такому чучелу присвоить звание сержанта?

– Что там у вас дальше?

– Не знаю, что дальше. Не положено. Поле дальше знаю. Что за полем – не положено.

– Открывай проезд. Мы на поле развернёмся и обратно поедem.

– Не положено. Командир потом ругаться будет – скажет: «зачем пустил». Скажет: «шапка, ружьё, ремень сдавай – иди в яму под арест».

– У меня задней скорости нет, я развернуться не могу, – присоединился к разговору ефрейтор, покинувший водительское место. – Ты, браток, пусти, я только развернусь на поле, а капитан с тобой тут постоит.

– Не положено. Командира строгий. Наказать будет.

– Ну ладно, ну что ты упёрся как баран: «не положено – не положено». Я ж по-быстрому – никто и не узнает, – уговаривал ефрейтор, всё ближе подходя к несговорчивому сержанту.

Бойцы в кузове полуторки подобрали свои «Светки» и, похоже, приготовились тоже спрыгнуть, для того чтобы принять участие в переговорах.

Мизансцена: капитан ругается, охранник шлагбаума упирается и твердит про грозного начальника, водила полуторки приближается к нему, а бойцы сопровождения готовятся покинуть транспорт – перевернулась в один миг.

Сонную тупость сержанта сменили молниеносные плавные движения. Мягкое перемещение назад на разрыв дистанции. В левой полусогнутой руке у него материализовался «ТТ» и уставился в живот капитану. Карабин, перевернувшись на ремне вокруг плеча, оказался в правой. Ствол замер в паре метров от груди ефрейтора.

– Вот только дёрнись... – неожиданно на чистейшем рус-

ском услышали пассажиры полуторки.

Времени на то, чтобы понять, что произошло, у них уже не было. Ближайшие кусты превратились в бойца со вскинутым карабином, кочка у дерева стала автоматчиком с ППШ, который не замедлил дать очередь поверх голов красноармейцев, находящихся в кузове полуторки.

– Стоять! Бросай оружие!

Капитан и водитель ошарашенно замерли. Касымов, не опуская пистолета, скользнул им за спину. Один из бойцов в полуторке бросил винтовку в кузов, второй ещё размышлял. Водитель попытался резко нырнуть под машину. Почти одновременно звонко хлестанули два карабинных выстрела.

Капитан, попытавшийся двинуться, чтобы уйти с директрисы, получил пулю «ТТ» в левое плечо. Он согнулся и попытался выполнить кувырок, но в результате наскочил на «встречный» сапогом в голову и отлетел к колесу. Автомат снова выдал короткую очередь, и сопровождающие в кузове скрылись за бортом.

– А ну, не шали! – Оказалось, что Касымов уже оседлал крышу машины, и теперь ствол «ТТ» совершенно ясно говорил, что дальнейшие попытки воспользоваться оружием и оказать сопротивление будут крайне вредны для здоровья.

– Медленно встали, – скомандовал сержант. – Теперь по одному аккуратно прыгиваем. Вот хорошо, вот умница. Лицом к борту. Руки раскинуть. Упереться в борт. Сделать два шага назад! Руки от машины не отрывать! Я кому сказал?!

Бамц! Звонко хлопнул пистолетный выстрел над ухом упрямца.

– Ноги шире! Стоять! Кому сказал стоять!.

К моменту прибытия полуторки с особистом и группой быстрого реагирования (это я им такое название подбросил, а всем потом понравилось) двое задержанных в позе «звезды» под охраной автоматчика стояли у борта полуторки, капитан и водитель лежали возле переднего колеса полуторки под прицелом бойца с карабином. Касымов, как-то сразу став гибким, ловким и подтянутым, чуть в стороне занимался проверкой вещей и документов задержанных.

Мы «загорали» на КП, просматривая метеосообщения и оперативные сведения на 12:00. На нашего лейтенанта ГБ, быстро прошедшего в командирский отсек, особого внимания никто не обратил. Наш лейтенант, как кипплинговский кот, всегда ходил сам по себе и там, где ему вздумается. Через некоторое время он вышел с майором Черновым, и они направились к выходу. Возле нашего столика, где мы сидели со сводками и картами, особист на секунду остановился и внимательно посмотрел в мою сторону:

– Журавлёв, ты в таблице вылетов?

– Резерв. После обеда первая работает.

– Предупреди Ковалёва и давай – догоняй нас. Я на сегодня тебя забираю.

Всё страньше и страньше, как говорила Алиса. Это если

с парнями размяться-помахаться, так я ж «завсегда согласный». Правда, не припомню, чтобы для тренировки меня забирали днём и прямо с КП. Обычно это вечером было. Или утречком. Кто-нибудь из комендачей тихонько зайдёт, чтобы остальных не будить, в плечо там стукнет или соломинкой пощекочет (это уж у кого на что фантазия заточена). Андрюху и некоторых других ребят тоже с собой иногда брали. А если мы отмахивались – типа ещё часок покемарим, то нас оставляли в покое. Нестандарт несколько напрягает, в частности в исполнении нашего особиста.

Не сказать, что я трепетал перед водянистыми очами Змея, но лишний раз беседовать с ним на темы, далёкие от истории, анатомии и боевых навыков, не хотелось категорически. Расслабляться было совершенно невозможно. Как на минном поле: такое ощущение, что того и гляди языком «растяжку» зацепишь.

Ну вот для примера: сижу так это после обеда. Особист рядом покуривает и мух-комаров веточкой отгоняет. Я палочку строгаю и жду своих ребят, которые переходят от стадии насыщения в стадию пресыщения.

– А как у тебя Мария Никитична поживает? В операционное отделение перевелась?

Невинный такой вопросец. С двумя капканами. О том, как живут «родители», я с ним не говорил. Да и вообще, никто из ребят об этом не знает. Здесь, как я обратил внимание, тему

дома как-то стараются обходить. У кого родня в оккупации осталась, у кого в эвакуации незнамо где оказалась, у кого и совсем... как у Андрюхи...

– Мать ещё в мае перевелась. Но она пока всего лишь обслуживает. Ей только иногда разрешают ассистировать. У них там хирург просто зверь: ему операционная сестра по ошибке не тот зажим подала, так он в неё этим зажимом запулил и обматерил вдобавок. Только матушку Дарья Никитична зовут.

Особист пустил струйку дыма в сторону весьма настойчивого слепня и отмахнулся веточкой. Причём с таким видом, что ошибся, мол, ну с кем не бывает.

– Вот у вас будет врачебная династия. Вернёшься в свой медицинский доучиваться после войны. Станешь доктором, прямо как наш Бородулин. Но ты это, смотри – инструментами в сестёр не бросайся!

– Врачебная династия у Мишки могла бы быть. Это же его мать в медицинский заставляла поступать. Я сам в химико-технологическом учиться начинал.

– Хм, надо же. А иногда про кости-связки или обмен веществ что-нибудь эдакое загношь... Я считал, что ты у нас Айболитом после войны станешь.

– Не, таришь лейтенант, Айболит – это ветеринария. Если уж идти в медики, то лучше тогда в зубные врачи.

– Это ж почему?

– Все бояться будут, но всё равно придут, когда зубы за-

болят.

– Будут бояться, но всё равно придут? – хмыкнул особист. Оценил завуалированный «прогиб». – Ладно. Расслабься. Ты чё такой серьёзный? (О, блин, почти по-пацански, как в моё время принято было.)

Особист тогда дождался Храмова и комиссара, а затем пошёл с ними в сторону штаба. Я же чувствовал себя как после экзамена по высшей математике. Чуть по пальцу ножом не чиркнул.

Андрей, который и так слышал, что меня забирает к себе особист, выглянул в окошко, оценив перспективы дальнейшей лётной работы. Потом ткнул пальцем в себя и вопросительно посмотрел. Ну что сказать? Я и сам не понял, куда меня позвали, поэтому только пожал плечами и развёл руками. Андрей махнул, типа уматывай – не задерживай, и продолжил отработку района боевых действий с остальными парнями.

Нашего Змея и Чернова я догнал на половине дороги к штабу. Они негромко переговаривались, при этом особист что-то быстро и отрывисто говорил, а наш зам согласно кивал.

Когда я подбежал, особист резко повернулся и спросил, как само собой разумеющееся:

– Хабе ищъ дас рищътищъ ферштанден, дас ду дойч гут

шприцъст?⁶

– Им гегентайлъ! Мальхъ-мальхъ унд зер шлехът. Voxер воллен зи дас ден виссен?⁷ – выдал на автомате. Я виноват, опять же, что учительница в моей школе нас гоняла так, что тройка в аттестате о среднем образовании превратилась в твёрдую четвёрку в институте? Это не считая того, что затем на заводе пришлось локоть-в-локоть работать с парнями из гамбургского «Маера», которые у нас на участке монтировали оборудование.

– Из личного дела одного лейтенантика. А вот твоё кёльнское «хъ» вместо «щъ» меня позабавило. Посчитаем, что на четвёрку знаешь, – усмехнулся особист.

– От Журавлёва толку много ли будет? – как бы ещё раз уточняя, спросил Чернов.

– Ничего. Сгодится. Он к тому же и немецкий знает. Станет протокол вести. А то если мои архаровцы писать станут, то потом без стакана не разберёшь их каракули.

Затем продолжил разговор, прерванный моим появлением:

– Раненых – к Бородулину. Только скорее давай. Строго вразнойбой. Чтобы они друг друга не видели. Всех лишних из санчасти убрать. Кто ходячие – пусть шуруют гулять, а остальные чтоб носа из госпитальной землянки не показывали.

⁶ Я правильно понял, что ты хорошо говоришь по-немецки?

⁷ Напротив! Немножко и очень плохо. Откуда вы это знаете?

– Ясно. Сейчас сделаем. А почему такие меры и такая спешка?

– Скорее всего, мы захватили настоящих диверсантов. Напасть они не успели, но враждебную активность проявили. В машине у них нашли вещмешок с рацией и другие улики. Кроме того, у этих молодцев при себе документы – явная фальшивка. Видно, что оттиски печатей имеют маленькую несостыковку с продолжением на фотографии. И все остальные бумаги к тому же новенькие, как будто только из канцелярии... В общем, так. Сейчас надо как можно быстрее вытрясти из этих гавриков максимальное количество информации, пока они не очухались.

– Из особого отдела дивизии скоро будут?

– Обещали часа через три. Дороги сейчас сам знаешь какие.

– Я выставляю оцепление и всех отгоняю подальше, чтобы не лезли.

– Правильно. А то будет как в анекдоте – советами замучают.

– Ну а Журавлёв точно подойдёт? Может, заменить его?

– Некогда. А потом, товарищ майор, вы не доверяете своему звеньевому?

– Ну, это же не штурмовой вылет!

– Значит, штурмовик ему доверить можно, а карандаш – нельзя?

– Хорошо, товарищ лейтенант госбезопасности, думаю,

что вы правы. Оставляю вам нашего звеньёвого.

– Итак, товарищ младший лейтенант, вы привлечены для ведения предварительного допроса подозреваемых. Что вам следует делать и что говорить, сейчас объясню. Когда придут сотрудники особого отдела дивизии, вы будете освобождены от этого задания и вернётесь к выполнению обычных обязанностей. Хотя нет – передумал. Давай работай до конца.

Тем временем мы уже зашли в землянко-палатку штаба. На удивление там никого не было. Даже связиста и писаря выгнали. Особист быстро снял плащ-палатку, которой обычно загораживался его угол. Под ведение допроса решили использовать всё невеликое помещение. В штабе кто-то навёл образцовый порядок. На столах – пусто. Хоть бы карандаши или лист бумаги оставили.

– Журавлёв, давай сюда оружие. Орешников, прими. Нож тоже снимай с ножнами.

Хм. А это-то зачем? Не сказать, что «ТТ» пилотов и наганы технарей придавали значительности и уверенности. Просто уже как-то привычно ощущать тяжесть на боку и знать, что под рукой есть «весомый аргумент». А свой стропорез вообще последние два месяца снимал с пояса, только когда заваливался спать. Нож при этом обычно лежал у меня под подушкой.

– Это потому, что вы, лётчики, – народ горячий, ещё стрельбу здесь устроишь. Особенно если эти клиенты начнут

«качать права» или решат, что нас будет проще убить. Они, заразы, сейчас живыми могут быть важнее нас всех вместе взятых. Кроме того, среди этих «робинзонов», возможно, окажутся весьма резкие ребяташки. Вякнуть не успеешь, а твоё оружие у них будет.

Змей при проведении этого инструктажа неспешно прогуливался по помещению. Ещё раз оглядывая антураж и оценивая обстановку.

– Итак, лейтенант, задача у тебя самая простая. Бери бумагу и карандаши. Вон там, в шкафу возьми. Будешь записывать. Только успевай. Посторонних вопросов не задаёшь. Если возникнет пиковая ситуация, блокируй движение в своём секторе. В схватке на себя не надейся, если что – ори громко и звонко, чтобы ребята успели среагировать и нейтрализовать клиента. Запомни условные фразы. В зависимости от хода дела я буду их произносить: «Вот духота-то!» или «Душно сегодня» – это команда усиления внимания. Задержанный может попытаться вырваться. Тебе в этом случае следует подойти к окну и откинуть сетку. Это будет сигнал нашим, которые страхуют снаружи. «Чёрт» или «К чёртовой матери», «Чертей тебе в дышло» – это сигнал готовности к бою. Ты должен встать, освободить руки, заблокировать проход между столами. Следует быть готовыми к ведению рукопашного боя в замкнутом пространстве. Сейчас, пока есть несколько минут, освободи карманы, сними с руки часы... Расстегни пуговицы на воротнике, подтяни брючный ремень

и ослабь поясной.

Особист вздохнул, подошёл ко входу в предбанник. Оглянулся с порога. Осмотрел ещё раз место предстоящей работы. Чувствовалось, что если бы была возможность, то он ещё что-нибудь довёл до ума.

– Некогда. Так-растак, как всегда, некогда...

– А почему мы спешим с допросом? Вы же говорите, что приедут люди из дивизии, вот пусть они и отработают – будет более качественно.

– Журавлёв, я же не лезу в пилотирование штурмовика... Ладно, исключительно в виде продолжения инструктажа: не исключено, что у них скоро должен быть сеанс радиосвязи или встреча со страхующей группой. Возможно, что если они не выйдут в эфир или не появятся в условленном месте, то это станет сигналом об их захвате. А что, если они к тому же являются не единственной группой, действующей в нашем районе? Короче, чем быстрее мы получим их показания, тем лучше.

Ага, след красной помады на фонарном столбе, тайник в арке Краснолужского моста. «Трианон, Трианон, Трианон...»

Особист критически осмотрел меня, вздохнул и махнул рукой. Типа: «на безрыбье и рак – рыба».

Не, вы видели? Как развитие базового куста движения – так это: «а что дальше? а почему так?» А как писарем поработать – так уже какие-то сомнения.

– Ну что, товарищ младший лейтенант? Команда: «К бою!»

Подошёл к двери и крикнул:

– Орешников, давай первого!

* * *

Он сидел на лавке с тупым и упрямым выражением лица. Молодой вообще-то парень. Таких каждый день встречаешь на улице. Глазами он вперился в стенку нашего помещения. Руки опустил между ног, как будто хотел прикрыться от удара в пах. На самом деле он поддерживал распоротые штаны, которые так и норовили съехать, представив задержанного в жанре «ню». Рукава поношенной гимнастёрки также красовались разрезами, ворот был отпорот, и из ещё одного разреза на плече выглядывала нижняя рубаша. Видимо, нательное бельё тоже было распорото.

Интересно будет потом узнать, кто это у комендачей такой затейник. Арестант при малейшей попытке сделать резкие движения или побежать тут же запутается в своих штанах и в робе. И никаких наручников не надо. Вот ведь умельцы!

Впрочем, на такие мелочи задержанный внимания не обращал. Он был очень занят разглядыванием стены. Кем же являлся этот пойманный? Немцем, русским? На вопросы он не отвечал и даже головы не поворачивал. Контуженый, что ли? На меня и на особиста он никак не реагировал. Если бы

по моим временам, то можно решить, что парень или обкурился, или наширился – полная отключка. Может, глухой? Вроде бы непохоже. Всей своей позой он как будто выражал, что говорить не собирается совсем.

М-да. Особист тоже решил, что этого упёртого клиента лучше оставить «на потом». Когда «дозреет». Змей негромко подал команду, и бойцы увели этого типа.

Второй задержанный оказался интереснее. Своего пренебрежительного превосходства он почти не скрывал. Распоротую гимнастёрку и штаны держал небрежно, без особого напряжения. Как будто это обстоятельство его несколько беспокоило, но не особенно напрягало. Сначала поигрался в «вопросы – ответы» при помощи «хохдойч» в моём исполнении, затем, посмотрев на «толмача» с явным пренебрежением, заявил на довольно сносном русском (хотя и с сильным акцентом), что он, Петер Малер, готов рассмотреть возможность сохранения своей жизни в обмен на предоставление некоторых интересующих нас сведений. Но предупредил, чтобы «еврейские комиссары» ни на что не рассчитывали, потому что ему, собственно говоря, терять особенно нечего и он готов умереть как истинный германский солдат.

Наш особист сделал вид, что поверил, и продолжил вести допрос. На моём листочке начали ложиться торопливые строчки текста. Конечно же, я спешил записывать и сокращал, где можно, стараясь сохранить хотя бы общий смысл. Один раз даже успел вякнуть:

– Вас, вас? Битте, нох айн маль видерхолен⁸.

За что получил насмешливый взгляд диверсанта. И неодобрительный нашего Змея.

А я чё? Я ничё. Вот сижу – пишу. А чего они так тараторят?

Впрочем, даже мне было ясно, что этот «художник» врёт и не краснеет⁹. Из его рассказа выходило, что он и его командир перешли линию фронта и углубились в расположение наших войск с целью проведения разведки. Рации у них нет, добытые сведения они должны будут доложить своему командованию устно по возвращении. Перейти обратно линию фронта им следовало через два дня. У нас в тылу провели почти неделю. Изначально в группе задействовали четырёх человек, но на нейтральной полосе группа была обстреляна. Один был ранен, и второй разведчик остался, чтобы помочь ему вернуться обратно. Русскую форму и оружие они украли три дня назад у каких-то ротозеев, которые ночевали в лесу, выставив всего одного часового, который тоже уснул.

Двигались по тылам. «Ах, ваши солдаты до ужаса недисциплинированны. Нас никто не останавливал и не проверял». Примерно два часа назад по дороге остановили машину. Русский офицер, который сидел рядом с водителем, искал какое-то воинское подразделение, и они, заявив, что совершенно точно знают, где оно находится, предложили свои

⁸ Что-что? Пожалуйста, повторите ещё раз.

⁹ Der Maler – художник.

услуги. По дороге они собирались захватить транспорт и пленных, а потом вернуться в своё расположение. Что за вещи при этом находились в кузове машины, он понятия не имеет. Документы? Какие ещё документы? Ах, документы... А это он нашёл в украденной гимнастёрке и вклеил свою фотокарточку. Ему так его командир приказал. Тот, который в молчанку с нами играл недавно.

Не, ну наглости – просто через край. А наш Змей не ведётся. Даже не возмущается очевидным враньём. Во блин! Закурить предлагает. Лопни мои глаза, «Герцеговина Флор». Это ж с каких это у простого аэродромного особиста такая роскошь? Для парней даже знаменитый «Казбек» был пределом мечтаний – в качестве табачного довольствия выдавали «Беломор» или ещё что похуже (хотя местные папиросы и тот жуткий ужас, который я помнил по своему времени, даже не близкие родственники. Так – однофамильцы). А особист ещё и разговор поддерживает.

Когда этот брехун начал разводить про спящих караульных, даже посмеиваться стал: «...а они так и продолжали дрыхнуть?» Ещё стал нахваливать его: «это вы почти двадцать километров по лесу без тропинок бегом? Молодцы, хорошая спортивная подготовка». Потом они ещё уточняли, на каком участке диверсионной группе удалось прорваться через передний край.

И допрос уже вроде бы подошёл к логическому завершению. У меня на столе лежали два листа, заполненные

не очень аккуратными карандашными строчками. Два листа полной туфты. Ну и за каким этим самым я такую лабуду записывал? Выпускнику детского сада ясно, что это даже не ложь, а полная фигня. Выходило, что этому фрицу явно пора в солярий и на депиляцию (по тому, что он весь такой белый и пушистый). Ничем они не занимались, ничего сделать не успели, так просто... пользуясь русским раздолбайством, пробежались по нашим тылам и хотели возвращаться обратно. Развели они только то, что караульная и охранная служба в РККА находится в противозачаточном состоянии, чем может воспользоваться любой пятилетний ребёнок.

Изменение обстановки произошло рывком. Я изображал штабного писаря шагах в пяти, и то почувствовал это, как удар по Манипуре и Анахате¹⁰.

Секунда. От благостной картины душевного разговора не осталось и легчайшей дымки. Даже не смог заметить, когда особист успел поставить (правильнее будет – «врубить») свой сапожище между ног диверсанта. Подозреваю, что при этом пострадало германское мужское достоинство (в прямом и переносном смысле). Его голова, захваченная за правое ухо, извернулась под весьма неудобным углом. «Ой, товарищ лейтенант, вы ж ему ща шею свернёте!» – но этот вскрик я в себе успел подавить. Свой знаменитый удар головой особист расчётливо остановил в сантиметре ото лба диверсанта

¹⁰ Манипура и Анахата – наименование чакр. Указанные чакры несут функцию внутреннего и ближнего взаимодействия с ментальными объектами.

и теперь, набычившись, исподлобья глядел ему прямо в глаза. Лицо и шея особиста приобрели пунцовый цвет. Подозреваю, что и глаза налились кровью. В этот момент он стал уже не змеем, а скорее взбешённым архаром перед нанесением удара.

Если бы были доступны ментальные звуки, то сейчас бы были слышны треск и скрежет разрушающейся внутренней защиты. Ганс «потёк».

В следующую секунду диверсант сумел восстановить своё состояние, но это был уже боксёр после нокдауна. Вести бой он ещё сможет, а вот выиграть его – это вряд ли.

– Позывные! – прохрипел, почти прошипел, особист в лицо диверсанту.

– Не знаю!

Причём это прозвучало как «не скажу!».

Уже не может ни врать, ни юлить. Точно – «потёк».

– Время следующей передачи! – Рывок, голова ганса дёрнулась и застыла под ещё более жутким углом. Эдак либо башку открутит, либо ухо оторвёт... Немец что-то попытался вякнуть. Но со свёрнутой и сдавленной шеей вякать было затруднительно. Единственное, что он сделал, – вцепился обеими руками в безжалостную клешню, которая терзала его слуховой аппарат. За что немедленно получил дружеский хлопок ладонью в левый бок. Это мы на тренировках такой удар ловили. Нанесённый вполсилы. Вполне достаточно, чтобы на пару секунд потемнело в глазках. А немак-то

ничего – крепкий. Только рожицей бледно-жёлтым стал, как покойник.

– Звание! Место подготовки! Цель заброски!

Особист выкрикивал вопросы, не давая времени на ответы. Даже у меня в ушах звон стоял. Фрицу было гораздо хуже. Он уже не «тёк», он «плыл».

А потом всё внезапно закончилось.

Змей поднял папиросу, которая сиротливо дымилась на полу, и резко вставил её немцу в зубы. Хорошо ещё, что не горящим концом. Блин, мне самому реально страшно стало.

Вот ведь жуть-ужас какой-то. Аж мурашки промаршировали строем по хребтине.

– Говорить будешь? – это было произнесено прежним доброжелательнейшим тоном.

У диверсанта хватило характера помотать опущенной головой. Папироса потухла в его сжатых челюстях. Правда, цвет лица приобрёл человеческие оттенки. Но ухо полыхало, как красный фонарь в ночи.

– Ну что же ты так, – почти обиженно укорил его особист. Как лучшего друга, который неприлично ведёт себя в общественном месте. Мне даже за диверсанта стыдно стало: к нему со всей душой, а он такой ерунды рассказать не хочет.

– Зря ты... – продолжал укорять особист.

Затем резко крикнул в сторону двери:

– Спирин, Михайлин!

Секунд через десять появились два комендача.

Через локти ганса пропустили какую-то струганую палку. Получилось что-то среднее между дыбой и распятием. В тот момент, когда диверсант попытался выразить свой протест, на голову ему натянули маску противогаза. О, а я, кажется, знаю, что сейчас будет. Не, ну надо же! Хотя я всегда подозревал, что этот номер изобрели задолго до неуставных взаимоотношений в Советской армии.

Нет, не угадал. Ребята ещё более изобретательны. Пока особист с бойцом держали корчащегося фрица «на палочке», второй воин раскурил сразу две «пушки» и начал вдвухать дым в хобот противогаза. В момент, когда дым не вдвухался, трубка зажималась ладонью. Прекрасный способ навсегда «завязать» с никотиновой зависимостью. Как же повезло зайцу из «Ну, погоди!» – у него в распоряжении была целая телефонная будка. Гансу пришлось обходиться запасом воздуха в маске. Противогаз после такого обращения надо будет выбрасывать. Отмыть его от блевотины и соплей будет невозможно.

После проведения процедуры бойцы удалились, унося инструменты, табурет и сапоги диверсанта. Немец лежал на полу, кашлял и отплевывался, но всё равно ещё пытался «качать права».

– Шванцлутчер! Проклятые еврейские варвары... Фик дихь инс кни! Я требую гуманного отношения! Ду гейст мир ауф ди айер! Я военнопленный...¹¹

¹¹ Перевод ругательств не будет приведён по этическим соображениям. По этой

– Докажи! Ты – непонятно кто, задержанный с оружием.

– Фэрпис дихь! Вы можете меня расстрелять, но я не нарушу присягу фюреру.

– Ну, конечно. Я уже слышал про достойную смерть германского солдата от рук азиатских палачей.

Особист внимательно оглядел палку, которая была у него в клешнях. Палка как палка. Черенок от лопаты напоминает. С одного конца заострённая. Что-то особисту не понравилось.

– Спирин! Нож давай.

Вошедший боец, обойдя немца, который уже успел принять сидячее положение, протянул лейтенанту нож и вышел из помещения.

– Видишь, приходится всё самому до ума доводить, – почти пожаловался особист диверсанту. – Ведь сказал же: «скруглить, а не заострять»...

Диверсант мутноватым взглядом следил с пола за действиями Змея, который неторопливыми движениями придавал «черенку» скруглённую форму. Особист посмотрел на выполненный тюнинг инструмента. Ему не понравилось. Видимо, ещё требовалась доработка. Он подмигнул немцу и спросил:

– А догадываешься, для чего надо скруглить?

Диверсант не ответил, но начал смотреть с каким-то напряжением. А вот мне реально стало интересно. Это чего же

такого удумал-то? Особист резко крутанул палку кистью и поставил остриём вверх.

– Если конец кола острый, то он быстро проткнёт кишки и выйдет через грудину. И ты подохнешь часа через три. На тупом колу будешь корчиться не менее суток... вот чёрт!

Команду «к бою!» я, естественно, прошляпил. Когда спустя пару секунд перепрыгнул через стол и приготовился ловить ломанувшегося диверсанта, последний уже снова лежал на полу. Тупым концом кола Змей успел «зарядить» ему в левое ухо. Теперь парность была соблюдена. «Лопухи» ганса довольно похоже изображали включённые автомобильные «стопари». Разрезанные штаны скомковались ниже колен.

– Ну куда ты так торопишься? Вот уже и сам раздеваться начал... – Особист снова перешёл на мягкий упрекающий тон. – Для порядка продолжим упражнения с противогазом... Сейчас ребят позову, и приступим...

И снова резкое изменение тона. Как одновременный удар в грудь и солнечное сплетение.

– А после того как ты всё выложишь, – снова его сдавленный яростный хрип переходит в шипение, – мы тебя отвезём в деревню неподалёку. Её зимой сожгли такие же, как ты, *****! А в центре виселица была... С которой я своими руками трёх девчонок снимал... Что?! Тебе же понравилось с ними развлекаться? Да?!

Немец, которого особист перед этим тряс, держа за глотку, отлетел к стенке как манекен. При том, что фриц был яв-

но за метр восемьдесят ростом и за девяносто килограммов весом. Особист медленным шагом приближался к нему, хлопывая колом по ладони.

– На этом месте мы тебя и поставим... И охранять ещё будем. Чтобы те, кто в этой деревушке выжил, тебя не порвали голыми руками...

Малера (он подтвердил, что это его настоящее имя, и выложил все сведения, которые требовалось от него получить) уже утащили комендачи. Особист мрачно курил, стоя у открытой двери и поглядывая в серое, пасмурное небо. Как будто оценивал – будет дождь или нет. Я встал рядом и тоже выглянул на улицу. Не, не будет дождя. Вот и прояснения появились...

Змей продолжал курить.

Так вот в чём несостыковка... Я его крайне редко видел курящим.

– Это всё правда была?

Змей помолчал. Выпустил струю дыма. Снова посмотрел в небо...

– Правда, – ответил он через некоторое время. Потом скривил губы и добавил: – Вот только на кол никого сажать не собирался.

Снова усмехнулся с таким видом, что не собирался, а надо бы...

– Михайлин, давай следующего!

Вошедшего водителя, правое простреленное плечо кото-

рого было замотано свежим бинтом, особист встретил слегка ироничным приветствием:

– Ну, заходи, мил-человек. Вот, присаживайся, – Змей хлопнул по лавке рядом с собой.

Водила мрачно посмотрел на него и, вняв приглашению, неторопливо присел возле него. Лейтенант снова достал «Герцеговину», смял мундштук, закурил от зажигалки, которую сразу же убрал в карман. Затем отдал зажжённую папиросу задержанному. Тот взял её целой левой рукой и затянулся. Все молчали.

Минуты через две особист задумчиво повернул голову к водиле.

– Ну, расскажи, за каким чёртом ты сменил свою родную сто шестьдесят пятую на пятьдесят восьмую? Или же родная была сто шестьдесят пятая, а фраер начал хвост поднимать, ты его пером и пуганул? Потянуло на сто шестьдесят седьмую¹².

– Хуже, начальник... Пи... Звезда с ним была – верещать стала...

– А на фронт за каким попёрся? Это же не твоя масть.

– У хозяина пайку срезали, а норму накинули¹³. Война,

¹² Уголовный кодекс в редакции 1926 года с добавлениями до 1938 года включительно. Статья 165: «Гребёж». Статья 167: «Разбой». Статья 58 часть 1: «Контрреволюционные действия». В понимании того времени – антигосударственная деятельность.

¹³ В трудовой колонии сократили количество выдаваемых продуктов и увеличили объём работ.

говорят. Мы это дело перетёрли, и выходило, что либо там сдохнуть, либо новый расклад прикинуть. Ещё по ушам проехали, дескать, кто «кровью искупит», с того всё разом спишут. Старый¹⁴ добро дал, потому как если война, то не зашло. И самому... опять же, мысля дёрнулась: «А может, и правда, заново всё перепису?» А то как по малолетке загрел, так и кантуюсь.

– А, ну да... Первая ходка за буханку хлеба, что с голодухи в булочной стырил?

– Веришь, начальник? Вот как на духу... Беспризорники – народ бедовый, а жрать-то все хочуть.

– Ты на жалость не дави, у меня там уже мозоль кровавая. У тебя седьмая глава УК на лбу написана¹⁵. Что хлеб с голоду стащил – сомнительно. Это сейчас ты волчарой стал, но и когда щенком был, мараться не захотел бы. А вот то, что у какой-нибудь вороны сумку или кошель взял да ножичком пригрозил, чтобы не вякала, – это ближе к делу. Ты лучше расскажи, как с немцами в одной группе оказался.

– Жить захотел, вот и оказался.

– Журавлёв, погоди писать. Просто слушай. А ты, мил человек, говори... Если грех за тобой – не обессуди. Пулю на тебя тратить не буду – сам бинты разматываешь, отойдёшь в сторонку и удавишься. Слово даю – мешать не стану. Если

¹⁴ Здесь: опытный, авторитетный вор в законе, которому негласно подчиняются заключённые, пахан.

¹⁵ Глава седьмая Уголовного кодекса: «Имущественные преступления».

же просто не повезло... так ведь кривую можно выправить. Давай излагай...

– А чего там... Пролезли под Указ от 12 июля 1941 года «Об освобождении от наказания...». В начале октября пригнали примерно в эти места... только западнее будет. Говорят: «Здесь оборону занимай» Начинаем окопы рыть, приходит другой приказ: «Скорым маршем...» Всё бросаем и пёхом километров за двадцать идём «щей хлебать»... Там, опять же, всё по новой. Бросай – иди и опять копай в новом месте. Мы так неделю туды-суды бродили. Без боя от роты половина осталась. Остальные то ли драпака затеяли, то ли отстали и потеряли нас в этой сутолоке. Я тоже пятки салом решил мазать. Не, начальник, ну что за дела?! Ежели штык примкнуть, обойму вставить, другую – в зубы, и «Вперёд, за Родину!» – так это одно дело, а с винтарём на плече и пустым брюхом на ботинки дорожную пыль собирать – это что за туфта?¹⁶ Кабы не командиры-комиссары, да ещё сержанты, то через пару дней смотался бы.

Ну вот снова гонят куда-то, а нам навстречу народ бежит. Морды перекошенные, половина без оружия, а кто и без шинелей. «Немцы впереди!» – вопят. Я ещё подивился, какие такие немцы? Мы же на северо-восток чешем. Ни выстрелов, ни чтобы пушки бухали – ничего не было. Командиры – пацаны стоят, друг на друга смотрят, глазами хлопают. Пока

¹⁶ В данном контексте «туфта» – бессмысленное и бесполезное действие.

судили-рядили, на дороге гул пошёл, как от «ХТЗ»¹⁷. Смотрю: какие-то серые хреновины выезжают... Опять же, эти... на мотоциклах... с пулемётами... Такую трескотню устроили, хоть святых выноси. «Танки! Танки!» – орут все и в разные стороны... Как тараканы... Даже я на что обтёртый, и то коленкой дрогнул. Хоть кто-то «К бою!» командовать начал. Остальных и на это не хватило. Комиссаров и командиров как ветром сдуло. Я такой кипеж прочухал и ноги в руки...

Потом уже к мужикам прибился и с ними ещё неделю по лесам бродил. Они некадровые были. Ополченцы. Студенты, работяги с завода, ещё там народец из контор каких-то. Что по жизни, что воевать – лохи полные. Стал с ними на восток к своим пробираться по лесам, по болотам. Холодрыга... Из жратвы одни сухари, да и тех кот наплакал. Оружия – по винтарю с неполной обоймой на троих. Я уже решил у какой-нибудь бабёнки в примаках пожить, пока этот бардак закончится, как мы нарвались на немцев. Они заметили балаган, цепью развернулись и пошли прочёсывать лесок, в котором мы кантовались. Наши вояки зайчиками по лесу поскакали. Кое-кто решил в войну поиграть. Да куда там... Пока затвор передёрнешь, они из своих строчилок столько дыр наделают, что считать замаешься. У меня к этому времени из всей артиллерии один наган остался с тремя маслятами в барабане. Приклад моей-то трёхлинейки в щепу превратился, да и заряжать нечем было. Потому и решил, что лучше

¹⁷ «ХТЗ» – марка трактора. Выпускал Харьковский тракторный завод.

ногами поработать. Свой лесок мы на карачках под пулями прорысили, выскочили на поле, а там уже нас принимают с распростёртыми объятиями: грузовик и четыре мотоцикла. Рота серых солдат цепью стоит и пулемётов с десятков. Как наших, что первыми бежали, покосили, так остальные руки вверх поднимать стали. Я всего лишь шпалер и перо скинуть успел. А больше у меня ничего не осталось: только шинель, ботинки и душа.

– Понятно, но давай подробнее, как ты до жизни такой дошёл.

– Начальник, так про то и толкую. У меня по жестянке каждый раз выпадал беспонтовый расклад: или сдохни, или на цырлах прыгай.

– У всех, кто рядом с тобой был, существовал такой же выбор. И они предпочли там остаться.

– Начальник, ты же байку про двух лягушек в крынке с молоком знаешь? Вот я лапками и дёргал всё время. Что за тех, кто остался... Поле там было... Его колючкой со всех сторон огородили и вышки с пулемётами поставили. А кто ласты склеивал, за колючкой рядышком закапывали. Сначала нас ров заставили вырыть, а потом туда жмуриков скидывали. На два дня того рва и хватало... А затем новую яму копать надо было... До фиги ж там мужиков сумело остаться. Это точняк.

– Расстреливали?

– На хрена? Конечно, ежели кто сам на колючку бросался,

то тут уж без шансов... Иногда ради того, чтобы повеселиться или просто пулемёты проверить, по полю с вышки очередь могли дать. Если вместе больше трёх стоя собрались, по ним тоже шмаляли... А так чего на нас свинец тратить, если и так сами, как мухи осенью, дохли? Кто ранетый был, кто заразу подхватил... Или просто от голодухи или от холода... Нас же кормили какой-то бурдой, и то через раз. Может, и подсыпали туда чего-то. После того как пожрали, к утру десяток свежаков у ворот своей очереди в канаву ждёт. С таких все обноски снимали и на себя наматывали. Это у хозяина бараки были, шконки... А там вместо потолка – дождь со снегом, вместо стен – колючка, за нары – земля. Ни одной травинки не было – всё схавали. Только грязь чавкала... Да и та скоро замёрзла.

– Видел такие дела. Ты не первый.

– Знамо дело, что не первый... Там сотнями пригоняли. Несколько раз колонны сбивали и угоняли куда-то. Может, в другие лагеря, а может – в расход... Иногда подойдёт какой-нибудь хрен и орёт: «Кто желайт слюжить Великий Герман, стройс перед ворот!» Вот я на третий раз и встал в этот строй... Угости ещё, начальник. Напоследок... Надо же было мне так лохануться... Плечо ещё, *****, саднит...

– А ты не жалься, как девка хвораю. Мне тебя не с руки кончать. Расскажешь чего нужного, может, и разминёшься с безносой.

– Начальник, я же не малолетка, чтобы ты мне по ушам

ездил. Надо мной сейчас несколько расстрельных статей висит.

– Пока две. Или всё-таки успел ещё замараться?¹⁸

– Начальник! Хошь, как перед Божницей, на колени бухнуть? Нас сюда две недели назад привезли, а у вас только второй день гуляем. Чистый я.

– Это, видно, не успел пока... А подвернись случай, так нигде бы не ёкнуло. И снова потом байки про лягушек рассказывал бы.

– Начальник, это ж ты сейчас при козырях. А выпади тебе такой же расклад, как мне?

– Думаешь, у меня мёдом бублик был намазан? Только со шпаной связываться не стал, а в коммуну пошёл. Брюхо от голода частенько сводило, зато потом в жизнь людьми вышли¹⁹. Кто слесарем, кто токарем... А я комсомольскую путёвку и рекомендацию в армию получил. Через год подал заявление в командное училище. И в окружении побывать успел, и от танков с пустым «ТТ» бегал... В лагерь не попался. А вот своих отбивать голыми руками пришлось один раз... Твоё счастье, что тем парням освобождённым не по-

¹⁸ Уголовный кодекс в редакции 1926 года с добавлениями до 1938 года включительно. Статьи 58 и 193 (воинские преступления) с различными пунктами.

¹⁹ «Брюхо от голода частенько сводило» – художественное преувеличение, впрочем, не так уж и далёкое от реальности. Можно вспомнить «Республику ШКИД». К сожалению, в двадцатых годах мало кто мог похвастать сытным пайком, обильной и сбалансированной пищей, изобилующей витаминами, а также полезными минеральными добавками.

пался – задавили бы... Продолжай. Журавлёв, ты пока не записываешь?

– Да, собственно, нечего записывать. И вы, тарищ лейтенант, сказали погодить с протоколом.

– Вот и не станем торопиться. А ты, мил-человек, говори. Звать-то тебя как?

– Григорий Назаров. Отца Глебом Ивановичем именовали. Ну, уж если совсем всё выкладывать, то в миру Клещом кличут. Это ко мне ещё по малолетке приклеилось...

– Видать, ты и по малолетке характер показывал. Что дальше?

– Дальше пригнали нас сначала в другой лагерь – с бараками, как положено. Покормили, отмыли-пропарили с каким-то порошком, который химией вонял. Это от «грызунов»²⁰, значит, избавиться. Побрили налысо. Выдали форму красноармейскую. Шинели и пилотки дали немецкие. А перед этим сначала заставили присягу ихнему Гитлеру принимать – подписывать. Дескать, обязуюсь служить и клянусь быть верным. Кто не захотел, тех вместо жратвы и бани построили и увели.

– Далеко повели?

– Не ведаю. Как за ворота выводили – видал, а потом – кто знает.

– Расстреляли?

– Если и расстреляли, то не рядом, подальше увели – ина-

²⁰ В данном случае «грызуны» – это вши и блохи.

че мы бы слышали.

– А ты, значит, присягу Гитлеру принял?

– Не-а. Присягу принял Горбылёв Михай Савельевич, тыща девятьсот шестнадцатого года произведения, уроженец деревни Кулички Чертовского уезда Волынской губернии.

– Так тебе и поверили, что ты воынил у чёрта на куличках.

– Ну, не так, конечно... Михеем Горбылёвым назвался ещё нашим ополченцам, с которыми по лесам лихо маял. Чего было народ раньше времени пугать? А из всех документов у меня при себе только четвертушка от газеты «За Родину» – в кисете с горсткой махры осталась. «Синева» с партачками под шинелью и грязью никто не разглядел²¹. Да и не до того было. Немцам на допросе так же назвался. Михай Горбылёв был моим брательником из соседнего села. Преставился он в двадцать девятом. А я аккурат в те года и сорвался искать себе лучшей доли... Вот и подписался у немцев за него, значитца. Ничего, скоро Там свидимся – я тогда перед ним повинюсь.

– Ты Туда не спеши. А вот рассказывать поторопись.

– Из лагеря пригнали в город. То ли школа была, то ли казармы какие-то. В общем, это оказалась база по подготовке диверсантов. Именовалась Абверкоманда 203. Потом на-

²¹ Партачки, «синева» – татуировки, особые отметки на теле. Выполняются в строго определённом стиле, принятом в уголовной среде. Служат своего рода «документом» или визитной карточкой их носителя.

чались тренировки и распределение. Кто тупой и здоровый – пошли во второй взвод, кто тупой и дохлый – в третий. А всех остальных в первый. Первый взвод – это те, кто затем диверсантами стал. Второй взвод – охрана. Их иногда на карательные акции привлекали. Третий взвод – хозяйственники. Хотел я в третий взвод попасть, под «мужика» косил. Но там как-то раз кипеж вышел из-за пайки. Сначала на дыбы поднялся и клыки показал, а только потом, когда трое чуханов кровью умылись, допёрло, что меня в натуре раскрутили. Так загремел в диверсанты. Начальник, сразу скажу: сначала думал, что фуфло вытянул, а оказалось, что фарт. Даже хозяйственники в экзекуциях участвовали. А комендантский взвод, это который второй был, уже через неделю по уши в крови замазался. Нам же выпало только готовиться и тренироваться.

Наставники были из наших. Капитан Коротковский учил минно-взрывному делу. Лейтенанты Безруков и Быков вели занятия по физической подготовке, стрельбе и рукопашному бою. Старшим был подполковник Кусков. Они приходили на занятия когда в нашей форме, когда в немецкой. Иногда заявлялись вообще в обычном прикиде.

Кормили нормально, паёк был лучше, чем красноармейский. По воскресеньям водку в обед и на ужин давали. Увольнительные выписывали. Но чтобы ходить обязательно по трое. Два наших и какого-нибудь костолома из второго взвода дадут в нагрузку. Тогда я узнал, что наша база нахо-

дилась в Смоленске. Немцы улицу как-то на свой лад называли. Надпись была, но их буквы разбирать так и не научился. На слух понимал, а читать – облом.

Несколько раз приезжал начальник команды с проверкой. Такой длинный, худой и с усами. Инструкторы его упоминали как подполковника Вернера. Может, немец, а может быть, из прибалтов. И ещё один приезжал проверять. Этот точно-точно немец был. Здоровый такой. И по-нашему говорил коряво, но понятно. Что не по нраву – так и по морде стеком мог заехать. Мы после бега построились перед ним – сказал, дескать, все слишком грязные да неопрятные, и нашему лейтенанту Быкову врезал по роже. Не сильно, заметно, что руку удержал, но опустил показательно.

До мая мы в Смоленске находились, а потом вывезли всех за город и поселили на бывшей станции МТС. Там продолжили мурыжить занятиями – подготовкой. Иногда и днём, и ночью. Один из наших ногу сломал – отправили в госпиталь. Больше его не видели. И ещё один фраер «колотушку» себе под ноги умудрился уронить²². Его-то насмерть, а троих, кто был с ним рядом, осколками сильно посекло. Их тоже в госпиталь отправили.

И постоянно по одному допрашивали – всю душу вынули. До наших, конечно, им далеко, но выдавили, что у хозяина

²² Немецкая граната Stielhandgranate M-24, поступившая на вооружение в 1916 году.

в гостях намастрячился баранку крутить²³.

В середине мая меня забрали из абверкоманды и отдали в группу оберфельдфебеля Малера. С ними пообтирался неделю. Тоже тренировались. Друг к другу приноравливались... Начальник, ежели меня прямо здесь не собираешься в расход выводить, то, может, фельдшера позовёшь? Можит, аж спасу нет...

– А ты излагай скорее. Быстрее к доктору попадёшь. Если заслужишь.

– Так и так перед тобой, как перед попом на исповеди. За все свои ходки у следаков так не пел.

– Когда за уголовщину тебя брали, речь шла только о сроке. А сейчас за шкуру свою стараешься. Продолжай, а мы послушаем.

– Да, собственно говоря, всё уже рассказал. После того как были набраны группы, в начале июня нам устроили проверку. Стреляли, бегали, маскировались, снимали часовых... Некоторые четвёрки разбросали – криво сбацили. Осталось пять четвёрок и две пятёрки. Три группы, как и мы, перешли линию фронта. Остальных должны были забросить на парашютах. У нас старшим – оберфельдфебель Малер, обергефрайтор Гюнтер – радист. Третьего они звали Вальдемар. Как соображаю, русский он. Похоже, из старорежимных. Звания не знаю. Вальдемар должен был мосты наводить

²³ То есть, находясь в заключении, освоил профессию водителя.

и базарить²⁴. До кучи радистом числился. Они с Гюнтером вместе с этим ящиком возились. Мне поручалось взрывать – минировать, обеспечивать всех жратвой, ну и, по ходу, всякая другая ерунда. Ну, как уже сказал, надо было как шоферу базарить с народом на дорогах, в автобатах и на складах. Линию фронта перешли два дня назад. Вчера в лесу была встреча с одной из наших групп. Вальдемар и Малер побубнили с ними и разбежались. Мы с Гюнтером только полянку и тропинки охраняли. Вечером он на своей шарманке стучал.

– Когда следующая встреча и сеанс связи?

– Начальник, меня за кента не держали и с собой кирять не пристёбывали²⁵. Что они накумекали – я без понятия.

– Что ещё рассказать можешь?

– Сегодня агрегатом разжились. Водила – фраерок лоханутый, тормознулся на большаке. Ему Вальдемар по ушам протёр: мол, подбрось до КПП, – пацан и подхватил нас. Проехали немного, в перелеске встали, а Вальдемар с Гюнтером уже ушастика из-за баранки выволакивают. Видно, этот волчара успел его тяпнуть по шлямбур²⁶, – тот и отрубился. Оттащили от дороги подальше в лес и бросили. После уже я шоферил. Катались, для понта какое-то хозяйство Степано-

²⁴ То есть устанавливать контакты, завязывать беседы, разговаривать.

²⁵ Своим товарищем не считали и выпить в компании не приглашали.

²⁶ Опытный вор (уголовник) успел ударить по голове.

ва искали. Сами уши наострили и дыбали кругом²⁷. А после того как на вашу засаду нарвались и заторчали наглухо, и так всё понятно. В общем, раскрутился до последней ниточки²⁸.

– Ну вот что, блатняга, рассказал ты много, но чую, что не всё. Живи пока. К доктору тебя сейчас отведут. Скоро за вами из особого отдела дивизии пожалуют. Ещё есть время крепко подумать, что им будешь говорить. Журавлёв, давай бюрократией займёмся.

Весь протокол предварительного допроса, записанный убористым почерком (ещё раз «спасибо» самописке из московского военторга), уместился на одной страничке. Клещ, изогнувшись, чтобы лишний раз не тревожить простреленное плечо, подписался внизу.

– На этот раз своей подписью? А, Назаров Георгий Глебович? – шутить изволит наш особист. Вроде бы смеётся – улыбается, да только взгляд колючий, злой.

– Обижаешь, начальник...

– А вот ты и прикинь, что лучше: быть обиженным или мёртвым?²⁹

– Злой ты, начальник... Если такой расклад, то лучше сдохнуть.

– Усёк, что лягушачья правда не всегда в жилу?

²⁷ Вели наблюдение, поиск и сбор информации.

²⁸ Я рассказал всё, что мог.

²⁹ Вопрос звучит так: «Что лучше: стать пассивным гомосексуалистом или умереть?»

– Усёк. Одно скажу, начальник. Тебе в тему «птичек» в петлицах на змеюку с чашкой сменить³⁰.

– Так серебряных не нашлось...³¹ Ладно, ступай... Спирин! Проводи его к Бородулину. Затем в сторонке под прищотром подержите. Пусть подождёт до приезда наших из дивизии. Журавлёв, закончил?

– Готово, товарищ лейтенант госбезопасности.

Змей взял лист протокола, быстро посмотрел на меня, хмыкнул, а затем начал читать. Добавление к его титулу «госбезопасности» было отмечено. А вот реакцию на это я уловить не сумел.

– Годится. Пошли, погуляем немного перед нашим последним клиентом.

От помещения штаба удаляться не стали. Так – только ноги размять.

Погода нелётная. Наверно, к небесной хмари вечером ещё и дождик может добавиться... Блин, ещё эти чёртовы комары начали доставать!

Неожиданный вопрос Змея, как всегда, был с подвохом:

³⁰ Змей с чашкой – медицинская эмблема. Клещ намекает, что особисту хорошо подошло бы прозвище Змей. Довольно распространённое прозвище для умного, жёсткого (даже жестокого), коварного, хваткого («вёрткого») уполномоченного особого отдела. При этом Змей в отличие от других прозвищ не имеет ни друзей, ни авторитетов.

³¹ Серебряные эмблемы – ветеринария, золотые – военные медики. Особист, по сути, отвечает, что контингент, с которым приходится ему работать, за людей не считает.

– А где это вы, товарищ младший лейтенант авиации, блатной фени набрались?

– С чего вы так решили?

– С того, что за всё время допроса вы ни разу не переспросили этого уголовника. И было очевидно, что его речь вам не только понятна, но и привычна. Мне-то по долгу службы пришлось освоить. Когда после окончания училища получил назначение в Мордовию. А где этому научился курсант, вчерашний студент, из нормальной семьи в Павловском Посаде?

И чего тут отвечать? Что спустя шестьдесят лет это и будет основным разговорным языком населения России? Вообще-то, давно уже успел отметить, что «местные» пользуются более «культурным» русским. Более «книжным», или, так сказать, более правильным. Ну уж точно «телик», «хипстер», «комп», «погуглить», «промоутер» и «супервайзер» здесь ни разу не слышал.

– Ну, не особенно-то понятна и не всегда привычна, но, вообще-то, ничего странного. Я же родом с «глухого угла». Не сто первый километр, конечно, но были у нас и те, кто сидел в тюрьме. В основном по молодости – за хулиганство. А кто-то за нарушение трудовой дисциплины или техники безопасности. Не уголовники, а так – просто дурачки. Вот чтобы перед нами – мелюзгой уличной выпендриваться, они так и изъяснялись. Товарищ лейтенант, а вы этому Клещу поверили? Я думаю, что он, как бы это правильнее сказать,

не до конца был откровенен.

Скорее надо уходить от скользкой темы различия в языках. Не дай господь, если Змей всерьёз начнёт интересоваться. Он товарищ дотошный. Ему в учёные-исследователи пойти, цены бы не было!

– Верно, кое-что он точно утаил. Скорее всего, то, что их тоже в разведшколе кровью повязали. Не всё он рассказал про окружение, плен и лагерь. Не исключено, и здесь за ним уже чего-то имеется. Но это всё он станет выкладывать дознавателям из дивизии и дальше. Пока его показания сходятся с тем, что выдал герр Малер. На основании их показаний сейчас попробуем надавить на «капитана» Вальдемара. Проветрился? Тогда приступаем к работе.

– А можно и мне тоже принять участие в допросе?

– Зачем? Тебе захотелось в Шерлока Холмса поиграть? Здесь ведь не книжка.

– Последним будет тоже наш, русский, если верить Клещу. Хочу понять, почему он против своих воевать начал.

– Журавлёв, почему ты постоянно лезешь куда не просят? Ладно, для раскрытия этой группы и захвата остальных диверсантов материал собран. Разрешаю потренироваться. Может быть, впоследствии ещё товарищами по работе станем. Но учти, в нашем деле не только вопрос, но и взгляд очень многое могут решать. Следи за мной. Если полезешь не вовремя и глупости начнёшь болтать, я тебя остановлю. А если начнёшь мешать – не обессудь, выгоню к чёртовой

бабушке.

На этот раз сигнал готовности к бою я успел зафиксировать и принял «динамовскую» боксёрскую стойку. Правда, на автомате левостороннюю. За что получил ободрительную усмешку особиста.

Наш новый подопечный представлял собой довольно занятное зрелище. Замотанное бинтом левое плечо, «бланш» под глазом, разбитая губа, несколько пострадавшая коверко-товая комсоставовская гимнастёрка без ремня, запылённые щегольские сапоги. Правда, после того как с его формой поработали комендачи, её придётся или штопать, или выбрасывать. На нас поглядывал более с интересом, чем со страхом или неприязнью. Довольно молод, скорее всего, ещё тридцати не стукнуло, но уже образовались заметные залысины. Капитанские шпалы никто с него не снял. Или поленились, либо даже значения не придали.

– Проходите, садитесь. – Змей теперь стоял почти возле моего писарского стола. Табурет вернули в центр помещения. Особист на него и показал жестом. Задержанный, оглядевшись по сторонам, опустился на предложенное ему место.

– Будем знакомиться, – Змей говорил неторопливо, пожалуй, даже устало. В руках он держал листы протоколов допроса, заполненные моим торопливым почерком. Типа контролировал. Вернув мне записи, он ткнул пальцем в одну из бумаг, указав явную орфографическую ошибку. Укориз-

ненно посмотрел. Затем обратился к «капитану», как будто только сейчас вспомнив, что ему ещё следует провести допрос задержанного.

– Соблаговолите представиться, милостивый государь.

О, блин, во как мы могём, оказывается. Причём это было сказано с лёгкой небрежностью усталого человека, который просто не может иначе обращаться к собеседнику.

Задержанный как-то сразу заинтересовался строением стенки нашего штаба. К деловой и конструктивной беседе он был явно не расположен.

Вот как это делал наш особист? Вроде бы и не сказал ничего, а мне стало как-то неловко за задержанного. Как будто: «...не хотите говорить? Ну как же так? Это же просто неучтиво...»

– Вы что, сударь, дурно воспитаны? Может быть, вы не испытываете желания общаться? Или осознаёте, что предательством и сотрудничеством с давними врагами Отечества запачкали своё родовое имя, а посему решили его утаить? – Ёжики колючие! Судя по манере изложения и речи, у нашего особиста за плечами не Ленинградское училище НКВД, а по меньшей мере морской Кадетский корпус Его императорского высочества. Где это он успел так научиться?

Но требуемого эффекта своей манерой общения лейтенант достиг. Лжекапитан резко выпрямился, вскинул голову и начал злобно выплёвывать фразы. Прямо как короткие пулемётные очереди:

– Моё родовое имя не ваша печаль! Это комиссарская жидовня – самый главный враг моего Отечества! Это вы разорили всю страну! Ну ничего, возмездие уже близко. Отольются вам ещё слёзы обездоленных и кровь невинноубиенных!

Вот говорили же мне: «помалкивай, не лезь поперёд батьки...» Так нет же! Кипяток в одном месте не держится. Ну, не утерпел. Тем более что особист сам разрешил.

А тут, видите ли, сидит крендель и выкондручивается. Причём сам такую пургу гонит...

– Ой, дурак... Блин, ну какой же ты дурак, ваш благородь... Правильно про таких, как ты, сказано: «Хоть ты и седьмой, а дурак...»

Змей слегка приподнял бровь, намекая, что я уже впёрся, куда не просили, и делаю всё через то, через что проводятся буквально все действия, кроме самого нужного и естественного³², но у меня «кран сорвало»...

– Ну, естественно, ваш род вписан в «Бархатную книгу», и вы на треть Рюриковичи, на треть Гедиминовичи, а остальная треть – Чингизиды... И к помощникам столоначальника уездного Жоподрищенска вы никакого отношения не имеете. Всегда верой-правдой служили царю и Отечеству. И никаких «барашков в бумажке». Весь доход – только скромное жалованье коллежского регистратора. А может, выше? Титулярного советника, например? Да? И с моего деда (в реаль-

³² То есть, если сказать помягче, «через задницу».

ности пра-прадеда), сельского старосты, никто пять рублей серебром за подачу жалобы на потраву, когда барин изволил охоту затеять, никто не вытягивал? Это, конечно, комиссары развели «крапивное семя» и чинуш. А тебе известно, радатель Отечества, как ещё перед империалистической половину призывников приходилось три месяца откармливать, прежде чем поставить в строй? Что они мясо только в армии первый раз ели? И что четверть новобранцев медицинские комиссии совсем отбраковывали?

Особист начал поглядывать на меня с интересом, а на возмущённого «капитана», которому я не давал слова вставить, с повышенным вниманием.

– Кто довёл эту страну до состояния, когда фронтовых офицеров в письменном виде обязывали не расходовать более двух снарядов в неделю, а все атаки немцев и австрийков отбивать штыками? Когда даже в столице появились очереди за хлебом? При этом воровали эшелонами! Это большевики государя-императора в феврале семнадцатого принудили отречься?

– А кто же ещё?! – Не, ну вы гляньте! Он тут вякать пытается!

– Дебил в квадрате! Прежде чем влезать в фашистское дерьмо, надо сначала историю своей страны изучить! Хотя бы узнал, как твой Великий князь Кирилл Владимирович над своим особняком красный флаг поднимал. Что он с красным бантом на груди вёл строй гвардейского экипажа –

это, конечно, чушь. Только он и сам врать был горазд, когда плёл, как в июне убегал от большевистских патрулей по льду Финского залива. Ты, ваш благородь, в семнадцатом пелёнки пачкал, а вот твои папенька с маменькой на демонстрациях митинговали и «Долой самодержавие!» кричали. Кто невинноубиенного Хосударя-Ампиратора «царскосельским сусликом» прозвал? А кому это было зазорно подать руку жандармскому офицеру? Кто вопил про свободы, равенство и братство? Это большевики начали Гражданскую войну? Вот такие же, как ты, дворянчики и интеллигенттики ввергли империю в кровавый хаос, когда все воевали против всех.

А если уж рассматривать самого Николая Безвольного, так можете ли вы рассказать, за что он получил по черепушке от японского городского? А ещё поинтересуюсь, почему рядом с ним никогда не было ни одного человека, который был ему верен, на которого бы он мог положиться? Не потому ли, что ваш Николай Второй постоянно предавал всех, кто его окружал? «Он хуже, чем бездарность! Он – прости меня Боже – полное ничтожество». Разве это написано комиссарами? А вся семейка Романовых чего стоит... Уж помолчу, как Великие князья наперегонки кинулись присягать новой власти.

Но вы, ваш благородь, не такой же? Да? Это всё они виноваты. И ещё большевистские жидомасоны. А у вас-то до Октября только сплошное благолепие и божья благодать. С румяными гимназистками, которые грациозно сбивали рых-

лый снег с каблучков? У вас же были только упоительные вечера с балами, красавицами, лакеями и юнкерами. С вальсами Шуберта и с булками. Это когда в деревнях чёрный хлеб был счастьем, а у рабочих в городах пустые щи – роскошью?

– Алексей Иванович, – позвал Змей и неодобрительно покачал головой. О как! – Вы, милейший, о ведении протокола не позабыли?

А сам при этом ещё исподтишка показывает жестом, типа давай-давай.

Ну я и дал. В смысле спел...

Поручик Голицин, зачем вы вернулись?

Кому вы, поручик, здесь на фиг нужны?

– Слышь, капитан, а действительно? Вы же все – интеллигенты и аристократы – в двадцатых годах, как тараканы, разбежались из страны? Чего ж теперь сюда снова лезете? Надоело шоферить в такси и промышлять ремеслом жиголо? Тот, кто хотел работать и служить России, – либо не уезжал, либо давно вернулся. А что ты, вот конкретно ты, можешь сделать для нашей страны и её народа? По уровню образования сейчас любой выпускник десятого класса тебе десять очков вперёд даст, потому что вместо древнегреческого, латыни и Закона Божьего учил физику и химию. В современной агрономии и промышленных технологиях ты полный ноль. Так что если ща сразу не пришибут, то тебе прямой путь за Урал:

лес валить или золото добывать.

– Да как ты смеешь!..

– Блин, ты в зеркало на себя посмотри, столбовой дворянин, боярин дубовый!³³ Принесло освободителя на германских штыках! Убивать и жечь. Ну как тебе, фашистский прихвостень, сладок и приятен дым Отечества? Мальчишки кровавые в глазах не стоят?

– Замолчи, жидёнок!

Лжекапитан рванулся со своей табуретки. Этого, собственно говоря, и добивался. Ну очень захотелось попробовать наработанную «тройку» и добивание. Примерно с того момента, когда потерял интерес к задержанному. Остались только возмущение и брезгливость.

Парировать его рывок не удалось даже особисту, стоящему неподалёку. После своего решительного скачка капитан просипел: «У-у-н-н-м-м-м...» – и, схватившись за забинтованное плечо, начал валиться на руки Змею, резко разорвавшему дистанцию и оказавшемуся рядом.

Задержанного он усадил на пол, привалив спиной к стенке.

– Михайлин, – позвал особист. – Позови Бородулина, – велел он появившемуся в дверях бойцу. Тот мгновенно исчез.

– Замечу вам, любезнейший, – обратился Змей к сидяще-

³³ «Боярин дубовый» – из мультипликационного фильма «Падал прошлогодний снег».

му на полу лжекапитану, который потихоньку начал приходить в себя, – что излишняя импульсивность не делает чести ни вам, ни вашим наставникам из абвера. Алексей Иванович, вы уже всех убедили, что билет по истории Революции и Гражданской войны вами выучен на оценку «отлично». Займитесь теперь протоколом.

А затем он обратился к задержанному:

– Милостивый государь, время отнюдь не резиновое. Всю интересующую нас информацию уже предоставили ваши коллеги по разведывательно-диверсионной группе. Поэтому ваша задача номер раз: изложить полные сведения о своей личности. По большому счёту нам данное обстоятельство совершенно безразлично. Просто в этом случае ваш смердящий труп отволокут в ближайшее уцелевшее село, которое вы и ваши хозяева не успели разорить. И если чудом выживший батюшка возьмёт на себя труд зарыть бранные останки, то на кресте будут написаны ваши имя и даты бессмысленной и бесполезной жизни. В противном случае тебя, падаль, сбросят в отхожую яму и все забудут о предателе Вальдема-ре.

– Вы не посмеете! Я военнопленный! – прохрипел «капитан». – Кроме того, я ранен. Вы, еврейские варвары, что-нибудь слышали о Гагской конвенции?

– Не извольте беспокоиться, медицинская помощь вам оказана на максимально возможном – в местных условиях – уровне. Декларации и конвенции, не соблюдаемые даже сто-

ронами, их разрабатывавшими, нас мало волнуют.

Теперь обрисую вашу вторую задачу. Для того чтобы вас не использовали в качестве учебного пособия по рукопашному бою, до полного исчерпания пределов жизнеспособности вашего организма, я готов выслушать что-нибудь новое и интересное об абверкоманде 203, о действиях в тылу Красной армии, сведения о порядке связи с вашими координаторами и о взаимодействии с аналогичными группами. Так сказать, в виде жеста доброго расположения. Если сумеете сейчас сообщить что-нибудь значимое и упущенное вашими коллегами, то в дальнейшем вам будет сохранена жизнь. Хотя бы для того, чтобы затем поведать заинтересованным службам о связи белой эмиграции с фашистами и нацистами. Может быть, следователи прокуратуры сочтут, что ваше присутствие на суде в качестве свидетеля обвинения будет нелишним. Это третья задача. На размышления вам предоставляется одна минута. Время пошло.

Лжекапитан откинулся на стенку и отвернулся. Особой надежды разговорить его не проглядывало. Ну и ладушки. Мне же меньше бумагу марать – сэкономлю на чернилах.

В этот момент в самопальную допросную зашёл Бородулин. Наш военврач явно пребывал в раздражённом состоянии. Видимо, его очередной раз вызвали в самый ответственный момент. Он ещё сумеет отыгаться на нас каким-нибудь изошрённым медицинским образом.

Перед «его святейшеством» прошлый раз кто-то из пер-

вой эскадрильи попробовал «пальцы гнуть». Расплата последовала на высшем уровне административного садизма. Примерно через неделю правдорубы были отловлены на предмет проведения медицинского обследования. И чуткий слух нашего медика обнаружил какие-то подозрительные хрипы в лёгких. Ввиду подозрения на воспаление лёгких или начальную стадию туберкулёза их пришлось изолировать. Отдельной землянки не оказалось – все заняты, – так что двое суток парни провели в палатке и чуть действительно не простыли, потому как ночи стояли весьма прохладные. А затем им было выдано предписание на прохождение рентгена грудной клетки в санбат дивизии, где несчастных промурыжили неделю и чуть не списали с лётной работы. Когда (как бы это сказать, чтобы без мата?.. а, вот – «затомлённые») и весьма оголодавшие соколы вернулись обратно, Бородулину стало казаться, что у них обнаружилось какое-то нервное расстройство. Парни и вправду начинали дёргаться, когда медик их удостаивал своим вниманием. Чтобы не попасть в пехоту, они в качестве отступного приволокли списанный парашют (где это, интересно знать, они его раздобыли? Я тоже хочу: мне шарф нужен – лётный комбез шею натирает, да и домой белую шёлковую ткань отослать хотелось бы...). Бородулин отстал от несчастных, а парашютный шёлк пошёл на потолок «операционной» полуземлянки-полупалатки.

– Что у вас произошло?

– Во время проведения допроса задержанный начал те-

рять сознание.

– А вы его не это?..

– Даже слова плохого не сказали. Хотя нет – Журавлёв его назвал «дебилом в квадрате». И ещё «боярином дубовым».

Вот доверяй после этого особым органам! Сдал, как стеклотару!

– Ага. А ещё червяком! Земляным червяком! – Ну что поделаешь? Ну ведь так подходило по теме³⁴.

– Про червей не помню. Мы больше экскурсом в недавнюю историю занимались.

– Ладно, от меня-то что требуется? – поинтересовался Бородулин. Причём с таким видом, как будто его оторвали от выигрышной партии в американку для решения вопроса, чем лучше обработать царапину: йодом или перекисью?

– Привести его в порядок.

– Он и так в порядке. Рану обработал, противостолбнячное уже вколол. По моей специфике больше ничего нет.

– Так он же вроде бы как падать пытается.

– Говорю же: это не по нашей части. Самое лучшее – оставить его в покое суток на пять. Ну ещё бы я его промыл физраствором и глюкозой подкормил бы.

– В принципе можно, но всё-таки желательно быстрее получить его показания.

– Тогда давайте его вещи.

Особист на секунду поднял бровь в удивлении, но затем

³⁴ Слова Багиры из мультипликационного фильма «Маугли».

вернул нейтрально-доброжелательную маску на лицо.

– Спирин, – позвал он своего бойца, – проводи военврача к вещам задержанных.

В ожидании Бородулина я занялся подготовкой листа протокола. В верхнем левом углу написал «5*-й штурмовой авиационный полк». Чуть ниже «протокол». Еще ниже «от *.06.1942 №...». Блин, а какой номер ставить? Ладно, оставлю, потом скажут, какой номер писать. В правом верхнем углу крупно выписал «Утверждаю...» Хотел ниже вписать комполка с линеечкой для подписи. А если не он будет утверждать, а Чернов? Оставим незаполненным. Теперь ниже и по центру надо написать «Допроса задержанного... Или сразу написать «диверсанта»?

Вот ведь дурила этот тип! Ничего не мог придумать лучше, чем связаться с нациками. Добро бы ещё стал каким-нибудь консультантом, так нет же. Человеку хочется острых ощущений – пошёл в диверсанты... Не верю я в его убеждения. Не похож он на фанатичного белогвардейца, хотя дури у него в башке предостаточно...

Чёрт побери! И у вас, товарищ младший лейтенант, её тоже хватает! Вот это кто написал вместо «...допроса задержанного» – «...технического совещания по установке приоритетов ремонта оборудования»? С головой проблемы, что ли? Только листок не комкаем, не рвём, а просто откладываем. А если Змей будет интересоваться странной записью, скажу, что про «шестёрочку» писал. Вот сейчас и допишу:

«...машины № 6».

Вальдемар, или как там его, сидел, прислонившись спиной к стенке, и с безучастным видом разглядывал потолок.

Бородулин возвратился с каким-то свёртком. То есть что-то он завернул в полотенце и теперь разворачивал на нашем столе. Какой-то ящичек из коричневой кожи с ремёнными застёжками. Откинув крышку, медик стал извлекать содержимое на стол. Жгуты для остановки крови, ножницы с загнутыми концами, чтобы удобно было одежду разрезать, несколько пачек индпакетов. Даже парочка мензурок оказалась из коричневого стекла. И металлические тубусы для шприцев. Успел разглядеть складной нож с кривым лезвием и деревянной ручкой. У нас с такими грибки любят ходить. Ещё покопавшись, Бородулин извлёк небольшую коробочку с ампулами и таблеточными тубами.

Во! Понял, кого он мне сейчас стал напоминать! Доктора Ливси из мультика «Остров сокровищ». Даже приговаривал так же: «...а это что у нас такое?.. Какая прелесть, замечательно... а вот это для чего? Ну надо же...» Через некоторое время он весьма озабоченно повернулся к особисту и заявил, что аптечка, конечно же, реквизируется для медицинских нужд полка. При этом на несчастного лжекапитана никто не собирался обращать внимание. А тот весь как-то поскучнел и теперь изучал строение пола.

– В принципе это улика, то есть вещественное доказательство... – Змей уже был готов поделиться добычей, но необ-

ходимость соблюдения процедур его останавливала.

– А вы выдайте во временное пользование. – Дурацкое чувство юмора у меня от усталости и духоты³⁵.

– Журавлёв, что-то у тебя какие-то странные шуточки. – Особист ясно дал понять, что недоволен. – Хорошо, забирай. Потом вместе составим акт передачи и опись. – Это уже было сказано Бородулину. – Да, что там с нашим задержанным?

– Тут, товарищ лейтенант, такой интересный набор медикаментов... Я когда этого *** обрабатывал, обратил внимание... кажется, я догадываюсь, как помочь вам узнать что-нибудь интересное. Пошлите бойца, пусть принесёт продукты, которые были у этих ловкачей.

Затем Бородулин наклонился над задержанным и стал пристально его рассматривать.

– Откройте, пожалуйста, рот, – попросил военврач. Что он там разглядел в полумраке, непонятно, но результатом остался доволен. – А теперь поверните голову, посмотрите на свет. Хорошо.

Потом встал и подошёл к столу, где лежала распотрошённая аптечка. Остановился, подумал немного и снова вернулся к задержанному:

– Можно у вас руки посмотреть?

Лжекапитан даже не поднял головы. Но Бородулина это мало смутило. Он сам взял задержанного за руку и резко вы-

³⁵ Выдать во временное пользование вещественные доказательства – это из книги Козачинского и художественного фильма «Зелёный фургон».

тянул её перед собой, повернув локтем вниз. Оставив сидящего на полу диверсанта, военврач решительно подошёл к столу и вынул из тубуса шприц. Взял коробочку с красной этикеткой, на которой наискось шла синяя полоса с белыми буквами, и вынул оттуда ампулу.

Всегда нравится наблюдать, как работает профессионал. Щёлк – быстро вскрыта ампула, движение – и её содержимое уже находится в шприце. Три резких удара пальцем по стеклу, и короткая струйка лекарства взлетела вверх.

– Журавлёв, возьми вон ту ватную подушечку и смочи из вот этого флакона.

Я выполнил указание, и в помещении ощутимо запахло спиртом. Понюхав флакон, я убедился – точно спирт. А наш доктор уже протёр через разрез, который комендачи сделали на рукаве, плечо задержанному и быстро сделал инъекцию. Затем отошёл к окошку и стал рассматривать инструмент, которым только что воспользовался. А я, повертев в руках, рассмотрел надпись на коробочке из сероватого картона, в которой лежали ампулы. «Pervitin». Интересно, что это такое? Судя по реакции Бородулина – какой-то наркотик.

В это время Михайлин принёс продукты, отобранные у диверсантов, и положил на соседний стол. Несколько вытянутых жестяных банок с фашистскими орлами на крышке. Наверное, консервы. Упаковки галет, ноздреватая масса, напоминающая хлеб, брикеты с чем-то сальным, завинчивающиеся коробочки, какие-то стеклянные баночки... Одна

точно с солью. Во, странные брикеттики в упаковке из ярко-красной бумаги поверх серебристой фольги. Как шоколад. И верно – надпись гласила: «Panzerschokolade». Непонятно, а почему он бронированный? Или это шоколад для танкистов? Надо бы заныкать плиточку с разрешения особиста. Потом наших девушек в столовой угощу. И сам сладкое тоже люблю.

– Положи и не трогай. – Бородулин не хочет делиться. Вот ведь жадина. И так себе аптечку присвоил, а теперь и шоколадки зажимает. Не по-товарищески это как-то.

– Это необычный шоколад. Полплитки достаточно, чтобы сутки не спать или бегать как конь. Там тоже фенамина напичкали.

– Чего?

– Много будешь знать – скоро состаришься.

А до меня и так дошло. Тоже какой-то наркоты туда добавили. И точно: «Mit Lorbeer und Pervitin». Вот ведь невинные времена! Кока-кола ещё легально содержит кокаин, а в армии популярны шоколадные шарики «Кола». Союзники поставляют. Похоже, тоже с кокаином. Даже в Союзе кодеиновыми препаратами ещё лечат кашель и головную боль.

Видимо, у фрицев проблемы с доставками кокаина и опия, зато великолепно развита фармакология. Вот они фен... как там его, вместо кокаина используют.

– Я с вами тут посижу, – попросил особиста Бородулин. – Этот, – он кивнул на сидящего Вальдемара, – через пять ми-

нут будет вполне пригоден для разговора. Но постарайтесь уложиться в полчаса. Ещё приглядывайте за ним – он будет весьма активен, даже несмотря на ранение.

Через некоторое время особист вернулся к допросу:

– Итак, милостивый государь, вы получили желаемый медикамент. Может быть, теперь соблаговолите нормально отвечать?

– О чём мне с тобой говорить, хам? Тебе интересно, кто я? Изволь: Владимир Дмитриевич Вишневецкий. Тебе же это всё равно ничего не скажет.

– Сотрудничать с немцами начали в тридцать седьмом?

– В тридцать восьмом. В Испании. Был там с кузеном и его отцом. К сожалению, толком повоевать не довелось. После того как в марте тридцать девятого краснопузые стали сдаваться, уехали в Милан, а затем в Лейпциг. Через полгода «Общевойнский союз» направил нас на обучение в Берлин³⁶.

– Что делали в мае в Смоленске?

– А, ясно... Этот уголовник всё уже разболтал. Как там вы таких называете? «Социально близкий»? Дерьмо большевистское. В славном граде Смоленске мы набирали несколько команд для работы у вас в тылу.

– Ваша группа была основной? Когда и где вы должны были встретиться со вспомогательными группами?

– Да кто ты такой, жид комиссарский, чтобы я тебе отве-

³⁶ В данном случае речь идёт о РОВС, «Русский общевойнский союз», большая часть которого активно сотрудничала с вермахтом и абвером.

чал?!

Я ожидал, что Змей хотя бы разозлится. К моему удивлению, наоборот, особист на браваду и откровенное хамство внимания не обращал. Он был целиком погружён в процесс выуживания информации. Минут через десять у меня уже было письменное подтверждение рассказа Клеща и Малера. Плюс точки и время встречи со вспомогательными группами. А ещё позывные, время радиосеансов и коды вызова. В придачу ещё два места, где были устроены тайники. И в довесок координаты трёх «кренделей», которые успели просочиться к нам раньше. Вишневецкий, насмешливо глядя на нас расширенными зрачками, небрежно отвечал на вопросы, не забывая при этом сообщить, что все мы подлецы, мерзавцы и жидовская сволочь. Что ставить нас к стенке совершенно не обязательно, потому что по нам плачет виселица. И вообще, он будет давить нас голыми руками.

Примерно через минут пятнадцать поток красноречия начал иссякать. Ещё через десять минут пошла только брань. Он ещё раз попытался рыпнуться и наброситься на особиста с Бородулиным. Неудачное действие. Змей успел его перехватить и «усадить» обратно на пол.

Вот же я был дураком, когда старался этому наркоше что-то рассказать о реальных раскладах, из-за которых мы оказались по разные стороны фронта. Это потом Бородулин показал ещё ампулы с морфием и кокаином. Причём если... как их там... первитин и фенамин, как полагаю, были на всю

группу, то «Коко» и «Марфуша» – явно личная собственность Вальдемара. Ясно теперь, почему у диверсантов были такие подвижность и выносливость. То-то Змей удивлялся, как они ночью по незнакомому лесу двадцать кэмэ пробежали не запыхавшись. Занятно, что Клещ не рассказывал про уколы. Видимо, ему стимулятор давали только в виде таблеток.

Не, а наш медик-то каков! Вычислил, что группа пользуется стимуляторами, а этот выползок – Вишневецкий – вообще балует с чем-то повеселее. Бородулин, как затем нам рассказал, выяснил, что диверсанты давно в движении и действие стимулятора у них стало меняться на противоположное – гиперкомпенсация организма. Они стали вялыми, апатичными, раздражительными, малоподвижными, необщительными. Гюнтер начал выключаться сразу после захвата группы, а Малер ещё держался. Под действием фенамина Клещ не падал в обморок, несмотря на простреленное плечо. Это он потом «поплыл». Ещё наш военврач рассказал, что у фрицев во время наступления, почитай, вся армия на этих таблетках или на уколах. А уж лётчики и танкисты – вообще обязательно перед каждым боем глотали или кололи стимуляторы. Офигеть! Тысячи нариков с оружием в руках... Ясен свет, что они, не рассуждая, выполняли любой приказ. Даже самый изуверский. Так понимаю, что немецкие офицеры рангом повыше и эту гадость употребляли классом покрепче.

А может быть, поэтому уже в сорок четвёртом гансы начали откровенно «чудить»? Как раз лет за пять наркота у них мозги и выела. Погодь... А этот Бесноватый? Он что, тоже «торчком» был? Ведь похоже на правду. А я-то был уверен, что у фюрера был в конце довольно кривой и больной двойник. Это ж, видно, Гитлера к сорок пятому так наркота доконала. Улёт... И если это знает Бородулин, то те, кому положено, тоже в курсе.

Воистину чудны люди твои, Господи!

Спирин и Михайлин вывели Вальдемара. Бородулин вышел вместе с ними, чтобы контролировать ещё некоторое время состояние своего пациента. Я приступил к уборке. Собрал аптечку и замотал её в полотенце. Вопросительно посмотрел на Змея. Особист показал на свой стол, вроде как «убери туда пока». Продукты собрали в вещмешок и поставили рядом. Затем пришлось потратить примерно полчаса и набело переписать протокол последнего допроса. Ну, вроде как всё. Снял с края стола печатную машинку, которая так и не потребовалась, и с помощью особиста мы убрали её на шкаф.

Ну а теперь действительно всё.

Чёрт побери, вот такое ощущение, что это меня непрерывно допрашивали два часа подряд, применяя нестандартные методы. Как выжатый лимон – чесс слово. Во, аж пальцы подрагивают. Ну его к Аллаху, эти игры в детектив, а также сыщицкие изыски, не говоря уже про дедукцию с индукцией.

Пока на своей шкурке не почувствуешь, ведь так и не поймёшь, за что Глеб Жеглов и Давид Гоцман ордена получали. Пусть и в кино, зато правдиво. Прототипами были реальные люди.

Змей протокол последнего допроса из подрагивающей ручонки взял, но вместо того, чтобы очередной раз найти очередные ошибки, начал пристально так это изучать мою героическую личность. Приблизительно таким же образом, как недавних диверсантов.

– Что-то не так, товарищ лейтенант?

– А вот скажи, Журавлёв, откуда это ты у нас такой умный взялся?

Я попытался изобразить возмущённое недоумение. Типа «а в чём, собственно говоря, дело?».

Особист, положив лист протокола на стол, продолжил внимательно меня рассматривать. Как будто выискивая трещинку, на которую надо нажать, чтобы я весь развалился. Потом неторопливо так продолжил:

– Я слышал, что бывали случаи, когда человек от удара головой начинал даже на другом языке говорить. Ты, видать, из таковских будешь. Бородулин уже давно порывается с тобой в какой-то московский госпиталь съездить. Не нравится ему, понимаешь ли, твоя контузия. Вот и мне она не нравится, особенно последнее время.

– Товарищ лейтенант, вы же наверняка успели проверить всех в нашем полку. И про меня всё уже знаете.

– Скажу по секрету: даже дополнительные запросы сделал. И получили исчерпывающие ответы, что везде знают младшего лейтенанта Журавлёва. Характеризуют с хорошей стороны. Вот и у меня нет оснований заподозрить лётчика штурмового полка, за которым я с интересом наблюдаю третий месяц, в чём-то неподобающем. На текущий момент мне стало очень любопытно: кто это вам так развёрнуто преподавал краткий курс истории ВКП(б)?

– Сначала, пока учился...

– Ты погоди, Журавлёв, погоди. Сейчас должны подъехать представители особого отдела дивизии, и надо будет ещё поработать. Вот когда сдадим наших подопечных, тогда посидим и обсудим одного очень информированного младшего лейтенанта. Ты же всё равно никуда не денешься, а дела не ждут. Свободен. Пока свободен.

И это вместо благодарности за проделанную работу...

Вам не страшно? А вот мне-то что-то жутко захотелось оказаться как можно дальше. Австралия подходит, но лучше подходят Антарктида или база на поверхности Луны. Желательно с обратной стороны. Если чего – противогазом не отделаюсь. Вытащат всю подноготную. Причём лейтенант даже не посочувствует просто направит документы в особый отдел дивизии, а через некоторое время за мной приедут. «Сдать оружие, следовать за нами» – и всё, – песенка спета. Даже если вывернусь от них и сбегу по дороге – дальше-то что делать? Бегать и прятаться? Так на следующие сутки все

армейские службы и милиция будут располагать моим словесным портретом. А с учётом шрама на башке и следов от ранений на ногах можно просто приклеить документы себе на лоб и идти сдаваться первому же патрулю.

Значитца, надо будет беседовать с нашим особистом, убеждать его, что я-то «ничего такого», «нигде» и «никогда»... А вообще «всегда» и «все видели»... И срочно узнавать про «своих» родственников, соседей и знакомых по этой реальности. Ну не может быть, чтобы в бурных событиях семнадцатого и Гражданской из них никто не принимал участия. Рядом же Первопрестольная была, а там во время революции тоже всё кипело и полыхало... Иван Прохорович вон успел командиром взвода в ЧОНе побывать. Может, «батя» и с Буденным или Ворошиловым был знаком? Чем чёрт не шутит?

Сейчас стоит надеяться на то, что наш особист будет занят работой с пойманной диверсионной группой. Пока приедут из дивизии, пока будут остальных ловить... А там ещё надо закладки и тайники разыскать. Если Змея его коллеги не отодвинут в сторонку (а попробуй его отодвинь!), то все эти мероприятия наш лейтенант будет стараться проводить при своём максимальном участии. На «Звёздочку» у него уже точно есть, а если ещё будет рыть, то и на «Знамя» потянет. Неприятный разговор, наверное, состоится не раньше, чем через дней пять. Мне из полка деться некуда, на «Иле» трансатлантические перелёты не выполнишь. Вот бы в от-

пуск съездить – обязательно нашёл бы какого-нибудь «старого ленинца» и «произвёл» его в своего учителя-наставника.

Срочно требуется у своих «родителей» эту «инфу» выкачать. И повод есть – вроде бы как в партию собираюсь вступить, а посему желательно сослаться на славные революционные традиции своих родственников и знакомых. Будем держать пальцы крестиком. Ну а если «прижмут к стенке» – буду плести, что такие потрясающие познания появились в результате ноябрьской контузии. Особист сам же мне про это говорил. К тому же для пилота штурмовика пять дней могут растянуться как пять лет. У меня как минимум пять возможностей не вернуться из боевого вылета.

В общем, я пошагал в столовую, благо не очень далеко было, насвистывая «Наша служба и опасна и трудна...».

Ну да, страшно было. Но кроме этого, ещё страшно хотелось жрать – из-за этих чёртовых прохиндеев обед я пропустил. Ужасы-страхи приходят и уходят, а кушать хочется всегда.

Объясняться с нашим особистом мне пришлось позднее. Разговор получился суетной и бестолковый, как всегда бывает на ходу. У Змея на тот момент снова образовался завал, и уделить внимание моей малозначимой (хотя и интересной) персоне он толком не смог. Единственное, в чём я сумел убедиться, так это в том, что своими сомнениями и размышлениями по поводу одного младшего лейтенантика особист полка делиться дальше по инстанции не собирается. Во-пер-

вых, потому что не собрано достаточно материала; во-вторых, потому что не хочется портить показатели своего подразделения; в-третьих, я уже считался опытным пилотом и на фоне общих потерь моё задержание могло вызвать неудовольствие Храмова. Формально у Змея, с его двойным подчинением, было своё начальство по линии госбезопасности, только оно находилось далеко, а командир полка сидел за соседним столом. Мы договорились ещё вернуться к этому вопросу. Причём особист намекнул, что предварительно побеседует в неформальной обстановке с глазу на глаз. Однако в действительности и приватный разговор, и официальный допрос в присутствии сотрудников особого отдела дивизии, комполка и нашего комиссара состоялись много позднее, в сентябре, во время пребывания в запасной авиабригаде на аэродроме Кряж.

Комсомольское собрание

Прохладным вечером июньского дня после ужина, перед тем как «опрокинуть» заслуженные 100 грамм за боевые вылеты, Андрей постучал ложкой по пустой тарелке.

– Так, парни, никуда не расходимся. Будем проводить комсомольское собрание. Я сказал – потом успеете! Заканчивайте галдёж! Уважительная причина для отсутствия – только госпиталь. Всем всё понятно? Ладно. А теперь – от винта!

Пока летуны курили у столовой и обсуждали последние вылеты, успели поужинать во вторую смену и наши технари. «Чёрным душам», как всегда, не везёт – то всю ночь машины приводить в порядок, то ещё какие-нибудь работы. Вот и сейчас – без перекура оставили. Ладно, после подымят – лёгкие целее будут.

Итак, собралась почти вся наша комсомольская ячейка. Из госпиталя ради такого случая отпустили Толика, чем я сразу и воспользовался, посадив его секретарём – вести протокол собрания. А нечего было всякие каверзы в письменном виде устраивать. Я до сих пор не могу забыть свой первый вылет со стрелком.

Собрание решили проводить на свежем воздухе. Вечер, опять же, просто чудесный, да и наряду не надо мешать убирать после ужина. И наши красавицы-вольняшки имели пол-

ное право отдохнуть после целого дня на кухне. Нехорошо заставлять их ждать, пока мы провели бы своё мероприятие.

Андрей начальственно толкает меня локтём – типа все в сборе, можно приступать.

Ну, что же, начинаем.

– Сегодня, парни, обойдёмся без формальностей. Никто не против? Нас сейчас по списку сколько? Толик, озвучь.

– Двадцать четыре комсомольца.

– Ну, что – кворум собран. Повестку и прочее пропускаем – времени жалко. Работаем в боевом темпе. Андрей – тебе слово.

Ковалёв скупно и сжато просветил нас о положении на фронтах. Говорил честно, что особых достижений пока нет и не очень предвидится. Хотя и без него мы чувствовали, что предстоит «вязкая борьба в партере». О том, что со дня на день начнутся катастрофа Южного фронта и отступление, Андрей не знал и не мог догадываться. Он только предположил, что, скорее всего, наш полк на нынешнем участке долго не задержится.

– ...поэтому обращаю особое внимание на отработку взаимодействия в звеньях и чёткость боевого применения. Про огрехи пилотирования (косой взгляд в мою сторону) и штурманской подготовки (теперь досталось Серёге) сегодня говорить не будем. Но надеюсь, что имеющееся время будет использовано на навёрстывание упущенного.

– Комсомолец Салихов, докладывай, что там у нас с пере-

делками.

– Если кратко, не разводя антимонии, – на «шестёрку» и на «десятку» поставили ШКАСы. Два дня назад сумели на складе выбить «березина». Приводим пулемёт в порядок. Пока есть проблемы по перекоосу ленты, по переделке привода, по экстракции отстрелянных гильз. Мы над этим работаем. Пулемёт будем ставить на «семёрку». Так как в эскадрилье осталось всего семь машин, высвободившиеся механики будут направлены на переделку остальных «грачей». При условии, что ещё сможем в дивизии выбить пулемёты. Подготовлено пять стрелков из числа техников. Это с учётом Горшнева. Ещё троих можно будет забрать из БАО. По данному вопросу всё. Теперь предложения. Товарищи пилоты, во время боевых и тренировочных полётов осматривайте землю. Фиксируйте места, где лежат подбитые самолёты. Любые – уже не важны ни тип, ни марка. К сожалению, запасных частей не хватает, и во время нашей последней поездки в дивизию нас предупредили, что будет только хуже. Так что будем искать и собирать всё, что хоть как-то можно использовать. По второму вопросу закончили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.